

Игра с цветами смерти

Наталья
Солнцева

Ожидай странника в день бури

Игра с цветами смерти

Наталья Солнцева

Ожидай странника в день бури

«АСТ»

2002

Солнцева Н. А.

Ожидай странника в день бури / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2002 — (Игра с цветами смерти)

ISBN 978-5-17-070974-8

Убит таинственный антиквар, пропала главная ценность его коллекции – улыбающийся Будда. На месте преступления найден древний ключ, для которого нет замка. Это только начало цепи загадочных и страшных событий, новых убийств. Кто виноват в происходящем? И как это связано с фигуркой Будды? Пытаясь распутать нити преступления, Тина и ее друг Сиур сталкиваются с необъяснимыми явлениями. Непостижимым образом реальные события оказываются переплетены с жизнью Древнего Египта, средневековых рыцарей, судьбой роковой оперной дивы Евлалии Кадминой, портрет которой хранил старый антиквар. Как не сойти с ума в этом кошмаре и добиться разгадки? Только тот, кто верит и любит, способен преодолеть все испытания. Роман издается в новой редакции. Ранее роман выходил под названием «Золотые нити» В книгу вошел также отрывок из следующего романа «К чему снится кровь».

ISBN 978-5-17-070974-8

© Солнцева Н. А., 2002

© АСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Солнцева

Ожидай странника в день бури

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева.

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

*«Все, что мы видим
и чем кажемся,
Всего лишь сон во сне».*
(Эдгар Аллан По)

В Москве стояло раннее жаркое лето. Разогретый асфальт, духота и пыль повсюду. Тина свернула в тихий переулок с улицы, полной выхлопных газов и шума машин, – и словно нырнула в тихий омут. Во дворе старого дома росли вековые липы. В их тени каким-то чудом сохранялась прохлада.

Тина вошла в знакомое парадное, нажала на кнопку звонка. Прислушалась. В квартире было тихо. Из-под лестницы вышла кошка, заинтересованно посмотрела, помахала кончиком пушистого хвоста.

Дверь никто не открыл. Тина позвонила еще дважды, постояла в недоумении. Ожидание вдруг стало тягостным. Она пожала плечами и вышла на улицу. Непонятная тревога охватила ее. В уголке двора расцветала акация, порыв ветра донес ее горький аромат. Тина подумала, что Альберт Михайлович уже человек немолодой, хотя на здоровье не жалуется. Он звонил ей, просил о встрече, и вот...

В детстве она мучительно искала объяснений своим чувствам, желаниям, непонятым мечтам. С возрастом пришло осознание, что поиск объяснений – это попытки облечь непонятное и необычное в привычную и понятную форму. В конце концов она позволила жизни идти и нести себя по течению своей собственной странной внутренней реки. Это ее путь. И пройти его предстоит именно ей. Найдется человек, способный разделить его с ней, – хорошо. Нет – что ж, так и будет...

На стене в ее комнате висел красивый спортивный лук. Спортom она совсем не увлекалась, но однажды, гуляя с отцом недалеко от спортивного комплекса, увидела тренировку

стрелков из лука. С тех пор она не знала ни дня покоя, пока отец не нашел тренера, который согласился ее учить. Тина впервые взяла в руки лук, и тот как будто прирос к ней, словно она не расставалась с ним ни на мгновение. Любые цели она поражала шутя, наслаждаясь пением тетивы и любуясь полетом стрел. Это была настоящая большая любовь ее юности, пожалуй, единственная, если не считать любви к книгам...

Ей было скучно со сверстниками, она избегала шумных и бестолковых вечеринок, и вскоре ее перестали на них приглашать. Но ей никогда не было скучно со своим луком и книгами. Сначала она перечитала все, что стояло в бабушкином книжном шкафу, потом всю библиотеку родителей, потом все, что было интересного у друзей и знакомых, потом... Она решила, что ее место – среди книг, и стала работать в библиотеке и учиться заочно.

Иногда Тина подходила к зеркалу и внимательно изучала свое отражение. На нее смотрела худощавая стройная темноволосая девушка с удлинненным лицом, высокими скулами и чуть раскосыми глазами. Она не была дурнушкой, но мальчики в школе, затем молодые люди ее круга никогда не обращали на нее внимания. Тина приняла это как должное и не расстраивалась по этому поводу. Они были совершенно не похожи на героев тех романов, с которыми она не расставалась – трубадуров, благородных рыцарей, отважных воинов.

Тина, конечно, желала большой и романтической любви, но примеры подруг и знакомых совершенно не вдохновляли ее. Все это было не то, и она перестала об этом думать.

С Альбертом Михайловичем она познакомилась в библиотеке. В тот день ее напарница Людмилочка отпросилась по своим семейным делам. Посетителей почти не было, гулкий полупустой зал насквозь прочерчивали солнечные лучи, тишину изредка нарушало чье-то покашливание.

– Сказать вам, на кого вы похожи? На Евлалию Кадмину! Великолепную, неистовую Евлалию.

Прямо перед ее столом стоял очень старый, добрый и умный человек. Все это, конечно, она узнала потом. А сейчас просто смотрела на говорившего.

– А кто это?

– Я удивился бы, если бы вы знали. – Старик добродушно рассмеялся. – Позвольте вас пригласить в гости, вы меня поразили. Давно не видел такого лица. Хорошие лица вообще редкость, ну а такое, как ваше, встречается раз в жизни.

Тина улыбнулась. Она не привыкла к комплиментам.

– Смею надеяться, вам не будет скучно. Раньше я был известным московским антикваром. Люблю старинные вещи, знаете ли. Есть в них особая эстетика. У меня дома великолепнейшая коллекция. В старых вещах, скажу я вам, есть какая-то тайна. А молодые девушки обожают старые тайны. Ну, так как? Придете?

Глава 2

Квартира Альберта Михайловича оказалась просторной, с высоченными потолками, узорным паркетом и мебелью красного дерева.

«Будет что рассказать Людмилочке!» – удивленно оглядываясь, подумала Тина.

Она и не подозревала, что могут еще существовать такие жилища. Комнаты напоминали музей. Здесь смешались все времена и стили – индийские божки, фарфоровые пастушки, портреты дам в напудренных париках. В хрустальных горках расставлены дивные сервизы. Повсюду – какие-то кувшинчики, табакерки, ларчики, подсвечники...

В гостиной пахло то ли духами, то ли нафталином, то ли ароматическими палочками, одна из которых все еще курилась в подставке в виде дракона.

Целую стену занимали книжные шкафы со стеклянными дверцами, набитые книгами с тисненными переплетами, и Тине захотелось немедленно достать хотя бы одну.

Словно угадав ее желание, хозяин взял с полки книгу, полез во внутренний карман пиджака и вынул... самое настоящее пенсне в тонкой золоченой оправе. Водрузив его на нос, нашел нужную страницу и прочитал: «Мы всего лишь строки, слова и буквы магической книги, и эта вечно пишущаяся книга – единственное, что есть в мире, вернее, она и есть мир».

Он долго смотрел куда-то в сторону, потом, спохватившись, вспомнил о своей гостье:

– Сейчас будем пить чай из настоящего самовара. Вы пока посмотрите безделушки, женщины это любят.

Он ушел на кухню и стал там греметь посудой, а Тина увлеклась разными диковинными вещами. На бюро стояла давняя фотография: молодая женщина с причесанными на прямой пробор волосами и уложенной сверху косой пристально смотрела вдаль. Чуть прикрытые тяжелые веки придавали взгляду загадочную томность. Прямой красивый нос, полные чувственные губы, мягкий подбородок...

«Страсть и противоречие, – подумала Тина. – Милые черты и внутренний огонь».

– А вот и чай. Милости прошу! – Альберт Михайлович втащил в комнату пузатый начищенный самовар. – Вас, вижу, привлекла «святая грешница» Евлалия?

– Кто она?

– Всенепременно расскажу. Да вы пейте, пейте чай, у меня заварка особая. – Альберт Михайлович с откровенным удовольствием смотрел на Тину. – Вы любите оперу? Евлалия Кадмина была блистательной оперной примой. Ангел и дьявол в одном лице! У нас в семье был своеобразный культ этой пылкой ветреницы. Современники поклонялись ей. Чайковский даже написал романс «Страшная минута», и слова сам сочинил: «Иль нож ты мне в сердце вонзишь, иль рай откроешь...» Кадмина приняла романс и не раз его пела.

Каждый, кто сталкивался с этой женщиной, и при жизни, и после ее таинственной смерти испытывал непреодолимое, буквально магическое притяжение ее личности.

Альберт Михайлович встал, достал из бюро потертую тетрадку в гобеленовом переплете, полистал ее:

– Вот послушайте! «Сотни людей, бывало, ожидали актрису возле служебного входа Мариинки и других оперных театров. Мерзнешь полчаса, час, – и вдруг точно электрический удар пробежит по всему телу – это показалась Кадмина. Ее огненный, гипнотизирующий взор случайно, на мгновение, столкнулся с вашими глазами – и вы уже счастливы и готовы сделать бездну глупостей, лишь бы заслужить еще такой же взгляд или мимолетную улыбку» – это моя мать записала в своем дневнике. О тайне жизни и смерти Кадминой писали Лесков, Куприн, Чехов, да мало ли еще кто...

Тина читала много и обо всем, но эту историю слышала впервые и смотрела на фото «сумасшедшей Евлалии» с возрастающим интересом.

– Обманчивая безмятежность, – заметил старик. – Будучи уже известной оперной дивой, которой рукоплескали многие театры мира, Кадмина могла зимой в санях уехать домой в костюме дочери египетского фараона, не дождавшись окончания спектакля. Она заставляла антрепренеров «валяться в ногах» и колотила зонтиком режиссеров. На гастролях в Италии она заболела – известный итальянский врач Форкони лечил ее, а затем, на свою беду, женился на ней. Прекрасная Евлалия быстро разочаровалась в своем первом и единственном супруге. Они разъехались. Певица влюблялась часто и безоглядно. Мужчины ей нравились порывистые, страстные, – итальянский тенор Станио, например, или какой-нибудь бравый гвардейский офицер.

«Вся жизнь для нее была игра в любовь», – подумала Тина.

– Эта великолепная женщина сама дописала концовку своего романа. – Старик пожевал губами, обдумывая сказанное. – Выпила из театрального кубка яд прямо на сцене! Возможно, хотела, чтобы ее гибель была последним актом трагедии, которую бы наблюдали партер, галерка и ложи. Но получилось по-другому: занавес закрыли, Кадмину увезли домой. Она умерла в страшных мучениях. Грустно...

Альберт Михайлович помолчал немного. Молчала и гостья.

– Ее похоронили на Харьковском городском кладбище. А потом на ее могиле стали появляться иконы с ликом покойницы. Зловещая и странная история. Их убрали, – ведь самоубийство считается страшным грехом, а тут икона с лицом самоубийцы...

Тина почувствовала себя неуютно, словно что-то недосказанное встало между ней и стариком, сидящим напротив.

Альберт Михайлович заметил смену ее настроения – он подошел к коллекции индийских фигурок, выбрал одну и показал Тине. Божество из потемневшего металла сидело и смотрело на раскрытый лотос. В серединке цветка мерцал синий камень.

Тина взяла фигурку в руки – на основании она увидела изображение глаза.

– Глаз Дракона – произнес негромко старик. – Вход в неизвестное.

Между коленями божка и лотосом была надпись. Буквы почти сливались с узором из листьев и бутонов и казались частью орнамента.

– А что... – она хотела спросить, что означает надпись, но старик продолжал, как будто не слыша:

– Через Глаз Дракона можно перейти в иную реальность. Так считали древние. Глаз Гора¹ – видели когда-нибудь?

Тина кивнула. Отец часто водил ее по музеям и выставкам – «расширял кругозор». В залах, экспонирующих оружие, она заворуженно рассматривала алебарды, мечи, дротики, луки, колчаны для стрел и прочие подобные вещи, приводя родителя сначала в недоумение, а затем в раздражение таким нетипичным для девочки пристрастием.

Еще ей нравились египетские залы. Она с удовольствием рассматривала украшения, ритуальные статуэтки, талисманы, амулеты. Глаз Гора – конечно же, именно там она его и видела. Искусно и тонко сделанный из лазурита и эмали, – даже реснички видны, – глаз смотрел из глубины веков, взирая на этот мир, проникая в самые потаенные его глубины, мерцал золотом, надменный в своей Истине.

– ...и ведомо теперь мне, что уже тысячи раз пережил я и старость, и смерть. И был я женщиной, и мужчиной, простолюдином и верховным жрецом, жил среди бессмертных... Стократ исчезал я с гибелью и растворением миров и появлялся с новым творением, но снова и снова я падал жертвой обманного существования... – донесли до Тины слова Альберта Михайловича.

Она очнулась. Сколько он говорил? И о чем? Она ужаснулась своей невоспитанности и попыталась сгладить неловкость. Индийский божок улыбался, сидя у своего лотоса.

– Что же все-таки тут написано?

Старый антиквар посмотрел на Тину долгим взглядом, вздохнул, взял у нее из рук фигурку и прочитал: «Я могу ответить. Но ты не в состоянии понять ответ»...

¹ Гор – в древнеегипетской мифологии бог Солнца, покровитель власти фараона. Глаз Гора, или Око Гора, – символ победы жизни над смертью.

Глава 3

С того дня Тина часто приходила в гости к Альберту Михайловичу. Они пили чай из саксонских чашек и разговаривали. Несмотря на разницу в возрасте, их тянуло друг к другу. Осенние или зимние вечера уже не казались Тине нескончаемыми.

В своей квартире она подолгу жила одна. Родители имели редкую для Москвы специальность – вулканологи – и годами пропадали в экспедициях. Тина выросла вполне самостоятельной. Но иногда ей очень не хватало семейного уюта, праздничного пирога и неторопливых бесед за круглым обеденным столом. Когда в ее жизни появился Альберт Михайлович, эта пустота заполнилась.

Иногда после работы Тина забежала в кондитерскую, покупала пирожные и спешила к старику. Он развлекал ее невероятными историями – казалось, он знал все.

Подруг у Тины не было, кроме Людмилочки, с которой они выросли в одном дворе и делились детскими секретами. Людмилочка всегда слушала Тину раскрыв рот, половину не понимала, всегда во всем соглашалась. За многие годы они ни разу не поссорились.

Потом Людмилочка вышла замуж за студента пединститута, переехала к нему и жила в его квартире с двумя детьми и собакой. Дети и семья отнимали все ее время, так что болтали они с Тиной теперь в основном на работе. Когда одна из сотрудниц ушла на пенсию, Людмилочка согласилась работать в библиотеке: работа спокойная, можно отпрашиваться по своим делам – Тина всегда подменит. Восьмого марта или в дни рождения подруги шли в кафе рядом с библиотекой, где заказывали кофе, торт, мороженое и рассказывали друг другу о своих проблемах. Проблемы, впрочем, были в основном у Людмилочки – муж работал школьным учителем и получал маленькую зарплату, денег вечно не хватало, дети болели, свекровь обижалась, что Людмилочка не помогает ей на даче, у собаки был авитаминоз, и прочее...

Людмилочка была совершенно обыкновенная, замотанная, вечно уставшая, прозаическая и не загадочная женщина. Пределом полета ее мысли была манная каша и способ вязки

носков. Как ни странно, Тина нежно любила свою обремененную заботами подругу, старалась вникать в ее дела и помогала по мере возможностей.

Людмилочка была чем-то вроде якоря, который не давал душе Тины сорваться в запретность. Она служила отрезвляющим холодным душем, слишком земная, возвращающая из небесных странствий на грешную землю. И это было хорошо и приятно, как возвращение в родной дом после опасного путешествия.

* * *

Тина уже полчаса сидела за столиком в кафе и ждала Людмилочку. Она лениво ковыряла ложкой взбитые сливки, настроение было прескверное. Не застав Альберта Михайловича дома, она вернулась на работу, где не находила себе места от беспокойства.

Антиквар позвонил ей утром в библиотеку и попросил зайти. Она дождалась обеденного перерыва, побежала в знакомый переулок. Старик не открыл ей. Это Тине ужасно не понравилось. Альберт Михайлович всегда был дома, тем более, что они договорились о встрече.

– Ой, пирожные! Я такая голодная. Пока приготовила своему ужину, детей притащила из садика, накормила, сама уже не успела. – Людмилочка тараторила все это с набитым ртом. – А ты чего не ешь? И вообще, что случилось-то?

Тина вынырнула из беспокойных дум. Людмилочка, как всегда, наспех причесана, кое-как одета... Все равно смотреть на нее было приятно. Один ее вид как бы говорил, что ничего страшного никогда случиться просто не может.

– Что с тобой? Ты меня пугаешь! – Людмилочка перестала жевать и уставилась на подругу желтыми, как у кошки, глазами. – Зачем ты меня позвала? Сегодня вроде... Да нет, день рождения твой еще не скоро. Я в метро думала – повода вроде нет? А? Или я забыла? Боже, только не обижайся! Я со своими могу что угодно забыть! Свекровь вчера опять звонила, плакалась Костику, какая она несчастная, всеми брошенная, он дулся потом весь вечер. У Алески опять диатез. Ужас! Да ты что молчишь-то?

Тина смотрела на осунувшееся лицо подруги, и ей стало совестно, что она вызвала ее сюда без серьезной причины. Сейчас, в уютном зале, полном людей, ей казались смешными свои страхи, и было как-то неловко заводить об этом разговор.

– Альберт Михайлович сегодня просил меня зайти, а сам не открыл...

– Был дома и не открыл? Вот свинство! – возмутилась Людмилочка.

– Я так испугалась... там, в подъезде. Захотелось убежать. Как будто за дверью кто-то притаился. Я на улицу выскочила, солнце печет, а мне холодно. Всю дорогу стучала зубами.

– Скажешь тоже! Пожилой человек, солидный, интеллигентный, станет он за дверью прятаться!

– Не он это был...

– Не он? А кто же? Откуда ты вообще знаешь, что кто-то там был?

– Не знаю... Просто показалось.

Тине не с кем было поделиться своими страхами во всей огромной Москве. Не идти же в милицию? Станут ее там слушать!

– Ну не открыл он тебе, и что? Мало ли...

– Я ведь после работы опять к нему заходила. Звонила, звонила, а он снова не открыл. Понимаешь?

– А как у него со здоровьем? Человек старый, перенервничал, ну и... того. А? У него родственники какие-нибудь есть?

– Сколько я к нему приходила, никогда никого не встречала. Он вообще не любит, чтобы к нему люди заходили, у него же ценности в квартире, вещи старинные, дорогие.

– Ну, а у соседей ты спрашивала?

– С какой стати я по соседям буду ходить? Я что, уголовный розыск?

– Ну, все-таки... – Людмилочка задумалась. – Один день – это еще не срок. Все бывает.

– Постой-ка... один раз он говорил, что у него в Москве есть племянник. Работает в банке. Даже банк называл.

– Вот видишь, может, у них какие-то дела семейные. Слушай, а вдруг этот племянник его «заказал»? Решил избавиться от старика, а коллекцию себе прикарманить!

– Зачем? Альберт Михайлович и так человек очень старый...

– А племяннику ждать неохота! – Всегда бледные щеки Людмилочки даже покрылись румянцем. Глаза заблестели. – Как его зовут, кстати?

– Не знаю... Фамилия Сташков, я запомнила.

– Странно. Что ж, у них с дядей разные фамилии?

– Разве такого не бывает?

– Вот что мы сделаем. Завтра ты опять сходи к нему. Если не откроет... тогда... – Возможность помочь Тине, которая всегда помогала ей, воодушевила Людмилочку. – У меня есть один знакомый. Он раньше работал в органах, потом уволился. Теперь работает начальником охраны в какой-то большой фирме.

– В банно-прачечном комбинате?

– Нечего иронизировать! – обиделась подружка. – Фирма эта не простая. У них там знаешь, какой забор? И подъезжают все иномарки.

Тина поморщилась. Людмилочка многократно пыталась познакомить ее то с одним, то с другим засидевшимся маменькиным сынком. Все эти мероприятия заканчивались одним и тем же – взаимным непониманием и раздражением.

Она никогда не наряжалась и не прихорашивалась перед очередным знакомством. Наоборот, волосы убирала назад в узел, на нос надевала очки в роговой оправе, хотя зрение имела отменное, а очки были мамины.

– Только не надевай свои противные очки, когда пойдем знакомиться! – будто прочтала ее мысли подруга. Они так давно были близки, что думали порой как один человек. – Мы ведь по делу, а не со всякими глупостями. Слушай, вот здорово, как в кино! В кабинет частного детектива вошли две дамы...

Людмилочка мечтательно закатила глаза.

– Знаешь, сколько стоят услуги частного детектива? Где мы возьмем такие деньги!

– Платить мы ему не будем – пустим в ход личное обаяние!

– О боже!

Тина засмеялась. Затея показалась ей глупой. И правда, стоит ли поднимать панику? Завтра она пойдет к Альберту Михайловичу, он извинится, объяснит, что произошло, и все будет в порядке.

Внезапно у нее возникло тягостное чувство грядущих неприятностей, и она отчетливо осознала, что по-прежнему никогда уже не будет, что произошло ужасное непоправимое несчастье и что это несчастье каким-то образом коснется и ее. Мысль о том, что можно будет пожить на сведущего человека, показалась ей спасительной.

– Только не будь занудой, Тинка! Ты кого угодно отпугнешь своим интеллектуальным видом. В конце концов, нам нужна его помощь.

– При чем тут мой вид?

– В жизни никогда не знаешь наверняка, что при чем. – Людмилочка посмотрела на часы и вскочила. – Ну и засиделись мы с тобой! Мои там с ума сходят. Пошли скорее!

На улице зажглись фонари. Дневная жара сменилась прохладой. Тина проводила подружку до метро, а сама решила пройтись пешком. Она никогда не боялась возвращаться домой по пустынным улицам в позднее время. Но сегодня все дышало тревогой. Захотелось побыстрее запереться в квартире на все замки, укрыться с головой и заснуть.

– Утром все будет по-другому, – сказала она себе...

* * *

На следующий день Тина отправилась к антиквару. Дом в тени деревьев выглядел вполне мирно. Во дворе играли дети, солнце ярко светило, ветерок легко пробежал по листве, образующей повсюду текучий узор света и тени.

Она шагнула в полумрак подъезда и остановилась в нерешительности.

– Да что со мной? Все в порядке, все хорошо...

Тина несколько раз позвонила в дверь старика. Все то же, что и вчера, – тишина, безмолвие.

В библиотеке ее ждала подруга.

– Ну что? – По такому случаю Людмилочка даже не опоздала на работу. – Застала его дома? – По лицу подруги она поняла ответ. – Я так и знала! Все, сегодня же идем к Сиуру.

– К кому? Ну и имечко! Час от часу не легче...

– Я никогда не задумывалась, почему его так зовут. Может, в чью-нибудь честь назвали. И вообще, какая разница? Главное, чтобы он согласился помочь. Попросим Ленку посидеть вместо нас на абонементе, а сами съездим к нему на фирму. Где он живет, я не знаю, телефон потеряла. В любом случае по телефону всего не расскажешь.

– И с личным обаянием не тот эффект, – засмеялась Тина.

Людмилочка пришла в такое возбуждение по поводу пропажи старика, что всю дорогу громко обсуждала собственные версии происходящего. Между делом она сообщила Тине, что Сиур «крутой парень», бывший спецназовец, что у него квартира в спальном районе. Женат никогда не был, хотя успех у женского пола имел бешеный. По возрасту – чуть старше Тины и Людмилочки, а по внешности – писанный красавец.

Тина вспомнила «писаных красавцев», с которыми раньше ее знакомила подруга, и усмехнулась...

Глава 4

С открытой веранды небольшого ресторанчика были видны ворота и подъезжающие автомобили. Сиур следил за происходящим скорее по привычке, нежели по долгу службы. Он уже месяц работал без выходных и сегодня решил устроить себе короткий день.

Начальник охраны фирмы «Зодиак» пил кофе и отдыхал. Его черная «мазда» стояла неподалеку на платной парковке.

Сиур вспомнил трудные времена, когда в результате политических передраг остался без работы. Родители переехали, правда, оставив ему квартиру и машину. Бывшие сослуживцы не находили себе места в ставшем вдруг иным, непривычном мире. Пили, работали где попало: «вышибалами» в дорогих ресторанах, ночных клубах и казино. Жизнь проходила как будто в хмельном угаре.

Сиур нашел точку опоры – слишком прочный стержень сумели заложить в него родители, люди порывистые, честные и необыкновенно выносливые к любым жизненным неурядицам. Устроился в частную охранную фирму. Профессионализм сделал все остальное. Люди, у которых есть деньги и есть что охранять, быстро оценили его по достоинству.

Когда получил первую зарплату, это его потрясло – сумма была абсолютно несоизмеримая с затраченными усилиями. Он много лет выполнял действительно тяжелую, опасную и жестокую работу, но только теперь понял, за какие, в сущности, гроши ему приходилось рисковать. Его мышление медленно, как заржавелый механизм, разворачивалось в обратную сторону. Он все еще жил как во сне, но каждый день приносил с собой частичку пробуждения.

В квартире осталась самая необходимая мебель, холодильник и телевизор. Этого было вполне достаточно, тем более, что даже ночевать в ней приходилось далеко не всегда. Сиур сделал ремонт и купил себе машину.

Сигнал сотового вывел его из задумчивости.

– К тебе тут две дамы, Сиур, – голос охранника с проходной чуть вибрировал от сдерживаемого смеха. – Сказать им, где ты?

– Кто такие?

– Первый раз вижу. Спрашивают лично тебя. Вид у них... умопомрачительный!

– Дамы – дело святое. – Сиур вздохнул. – Ладно, проводи их ко мне.

Женщины баловали его своим вниманием, иногда досаждали, приходили и уходили. Вера – так звали его более-менее постоянную любовницу – работала манекенщицей в Доме моделей. Всегда накрашенная, официальная, она как будто играла одну и ту же заученную роль, за рамки которой выйти было так же невозможно, как планете сойти с орбиты. Ее нельзя было представить заплаканной, без маникюра или сумочки, в переполненном троллейбусе, у плиты или за любым другим обыкновенным занятием, которое и делает жизнь жизнью.

Их отношения нравились обоим. Не нужно было притворяться добропорядочной женой и заботливым мужем. Встретились, приятно провели время, без сожаления расстались. В сущности, они были совершенно чужими друг другу людьми, эта «сногшибательная пара», как их называли в узком кругу.

Сиур увидел идущего к его столу охранника с двумя молодыми женщинами. В одной он не без труда узнал Людмилочку.

– Привет, Сиур... – она оробела в непривычной обстановке.

Презрительный взгляд официантки, снисходительность охранника, сам старый знакомый в безукоризненных светлых брюках и рубашке, – все это не добавляло ей решительности. Она представляла себе, сколько стоит эта «простая одежда», этот французский аромат, – они с Тиной каждый день проходили по дороге на работу мимо магазинов, в которые страшно было зайти.

– Можно с тобой поговорить? Мы пришли по делу, – она бросила взгляд в сторону подруги, ища поддержки.

Сиур строго взглянул на охранника, тот мгновенно погасил улыбку и пожал плечами.

Тина представила себе, как они сейчас начнут говорить о том, зачем пришли, и как на них будут смотреть с недоумением и досадой эти уверенные в себе люди, и ей захотелось убежать. Просто убежать, ничего не объясняя, чем скорее, тем лучше.

Сиур с откровенным интересом смотрел на них. «Две курицы, – сделал он мысленное заключение. – Нелепые и перепуганные».

– Чем обязан, красавицы?

– В жизни не слышала ничего вульгарнее! – Тина наконец обрела присутствие духа и возмутилась.

Обороняться от мужского хамства было делом обычным. Она уже не обращала внимания на то, что подруга незаметно наступала ей на ногу.

«А она ничего, – неожиданно подумал Сиур. – Хотя лицо блеклое, сама невзрачная, тощая, в джинсах и футболке, – старая дева, наверное, унылый «синий чулок». Людмилочка превратилась в настоящую клушу, типичную наседку. Вот угораздило! Чего им от меня надо?»

Он из вежливости смягчил выражение лица, слегка привстал и поклонился.

– Я весь внимание и почтительность. Присаживайтесь, прошу.

Людмилочка приободрилась и с облегчением плюхнулась на стул. Вторая спокойно села, уставилась на него, как будто ждала чего-то, что он был обязан сделать.

«Такая, пожалуй, будет не просить, а повелевать, – у него было чутье на людей. – Серая мышь с амбициями!»

Он поймал себя на давно забытом чувстве: эта невзрачная женщина его заинтересовала. Сиур уже знал, что выполнит все, о чем его попросят странные посетительницы. Он расположился поудобнее и приготовился слушать.

– Так в чем все-таки дело?

– Нам нужна ваша помощь, – сказала Тина.

Красивый мужчина казался знакомым. «Дежа вю». Такое бывает. Чувство, как будто все это уже происходило.

– Да, Сиур, ты должен нам помочь! – Людмилочка справилась с растерянностью и вошла в свою роль по всем правилам жанра. – Понимаешь, у Тины есть друг, то есть знакомый, Альберт Михайлович. Антиквар. У него коллекция, всякие дорогие вещи... вот племянник его и убил! – она выпалила все это, не переводя дыхания. – Чтобы забрать себе коллекцию!

– С чего вы взяли?

– Старик не отвечает на звонки и не открывает дверь. Ну, если он мертвый, как же он может открыть? Вот мы и решили прийти к тебе.

– Вы заявили в милицию?

Сиур ожидал, что ему поручат выбить долг, разыскать пропавшего мужа или раздобыть адрес его любовницы, на худой конец, вернуть любимую собачку, которая потерялась. Но убийство? За кого его принимают? Или девочки решили позабавиться и устроить розыгрыш?

– В милицию? О чем?

– Как это о чем? О том, что человека убили.

– Так... может, его и не убили. Мы же не знаем! Трупа не видели... – Людмилочка раскрыла от ужаса глаза. – Ты что, тоже думаешь, что старика убили? Видишь, я же тебе говорила! – она перевела взгляд на Тину.

Ситуация становилась комичной.

– Так все-таки убили или не убили? – улыбнулся Сиур.

Подробно расспросив подруг, он выяснил картину происшедшего и понял, чего они хотят. Ни много ни мало, чтобы он ночью влез в окно второго этажа чужой квартиры и выяснил, есть там труп или нет. Давно он так не забавлялся. Надо ж такое выдумать! Старик уехал себе на дачу или к внучатой племяннице в Урюпинск, а он, извольте, совершает взлом квартиры, где находится антикварная коллекция, в поисках якобы трупа хозяина. Его за идиота принимают? Это было нелепо и по-дилетантски. Немыслимо!

Но он уже знал, что согласится...

Глава 5

Вечером неожиданно пошел дождь. Мокрое шоссе блестело огнями. Сиур ехал из сауны домой и думал. Через приоткрытое боковое стекло врывается запах дождя и влажной листвы.

Допустим, старик по-настоящему дорог Тине и она обеспокоена. Допустим, они условились о встрече, а его не оказалось дома, или он был там, но по какой-то причине не открыл. В жизни происходят куда более странные вещи. И всему в конце концов находится вполне прозаическое объяснение.

Тина далеко не глупа. Она слушала его доводы, подперев щеку рукой, вежливо улыбалась и объясняла, что, собственно, от него не требуется анализ ситуации, а требуется вполне конкретное действие.

Подъехав к дому, Сиур вышел, с наслаждением вдыхая влажный воздух. Во дворе тусовалась компания агрессивных юнцов. Один из них, долговязый, в кожаной жилетке с металлическими шипами и заклепками, развязно попросил закурить. Сиур не спеша достал сигареты. Верзила пробормотал благодарность и поспешно ретировался к своим товарищам.

«Допустим, старику стало плохо, рядом никого не оказалось, даже «скорую» вызвать было некому, – продолжал размышлять он. – Возможно, он умер. Раз есть какой-то племянник, найти его, и пусть он этим занимается...»

Сиур навел справки об антикваре по своим каналам. Как всякий человек, обеспечивающий безопасность своих клиентов, он имел осведомителей. Он оплачивал услуги своих агентов из денег, специально предназначенных для этого фирмой. Никто из них не знал и никогда не слышал ни об Альберте Михайловиче, ни об его коллекции. Правда, старик уже давно отошел от дел... Было в этом всем что-то непонятное.

Сиур попросил Тину больше не ходить к старику, чтобы не привлекать внимание соседей или кого-то еще. Он обдумал детали плана и пожалел, что сам не съездил на место и не изучил обстановку. Дело показалось ему несерьезным. Но сейчас его мнение изменилось. В старых

домах бывают большие чердаки и подвалы. Городские подземелья – отдельная история. Надо бы взять план подземных коммуникаций этого района...

* * *

Темные мрачные скалы привычно противостояли напору стихии. Дождь лил сплошной стеной, ручьями сбегая по замшелым камням. Сверкали молнии. Большой дом виднелся между скал. Веками он выдерживал борьбу с непогодой. Его стены сложены из огромных валунов. Почти на самом верху светилось узкое окошко.

Дорога, едва различимая в темноте, вилась по камням. Шум воды и ветра заглушал все остальные звуки. Из-за поворота показался всадник. Его плащ с капюшоном промок насквозь. Конь его устал. Кажется, они сбились с пути...

Оглушительный раскат грома заставил коня прятнуть в сторону. Сквозь сплошную пелену дождя тускло светилось окошко, обещая тепло и уют, горячую еду, сухую постель. Человек поднял голову, и вздох облегчения слетел с его губ.

Этот суровый край считался пустынным. Кто мог поселиться здесь? Всадник никак не ожидал встретить здесь жилье. Сейчас и он сам, и его конь нуждались в спасительной крыше. Ветер дул сильными порывами. Снова вспыхнула молния, прочертив темное небо. Дом невозмутимо взирал единственным тусклым глазом на непрошеного гостя, безмолвный и неприступный. Каменная ниша скрывала в глубине массивную дверь.

Всадник спешил и побрел к двери дома. «Негостеприимный вход, – подумал он, откидывая с головы промокиши и бесполезный капюшон. – Чем же постучать?»

Ни молотка, ни колокольчика на двери не имелось. Она была словно монолит: с трудом можно было представить, что она когда-нибудь открывалась. Мужчина наклонился, подобрал скользкий от воды камень и принялся стучать изо всех сил. Шум непогоды заглушал удары...

Путник почувствовал, как волна жара поднялась к голове, сменилась ознобом. Все куда-то отступило. Туман забытья погасил краски и звуки...

* * *

Сиур проснулся в испарине и некоторое время лежал, преодолевая знакомое ощущение дурноты. Первый раз этот сон приснился ему в госпитале, после ранения. Когда он пришел в себя, то долго не мог понять, кто он, как здесь оказался и что вообще происходит. Стоило закрыть глаза, как сон снова наваливался, уносил в темный туннель... обрастая все новыми подробностями. Наваждение длилось до тех пор, пока Сиур не начал выздоравливать.

Выписавшись из госпиталя, он поехал долечиваться в деревню – косил сено, рубил дрова, обливался колодезной водой. Тело снова начало подчиняться ему. Утром на восходе солнца он уходил в лес, бродил босиком по росе, лежал на траве и смотрел в небо. Ни о чем не хотелось думать.

Сиур возобновил тренировки. Он постепенно набирал форму, изматывая себя до такой степени, чтобы физическая усталость пересилила внутреннюю тоску. Он снова достиг совершенства, стал даже лучше, чем был. И только на самом доньшке сознания притаилось видение из сна...

Сиур встал, подошел к открытому окну – моросил дождь. В груди неприятно заныло. Вспомнились глаза Тины.

– Я становлюсь сентиментальным...

Глава 6

Тина тоже лежала без сна, слушала монотонный шум капель... Впервые ее волновал мужчина. Как странно переплетаются обстоятельства, предчувствия и желания...

Она думала об Альберте Михайловиче, о себе, о том, что сегодня нужно будет уйти с работы пораньше... На столе смутно улыбалась с портрета Евлалия. Старик сделал Тине этот подарок в память о знакомстве.

Что же все-таки произошло там, за дверью, которая всегда гостеприимно раскрывалась перед ней?

– Не буду гадать!

Мысли вернулись к разговору на веранде ресторана. Мужчина со странным именем Сиур оказался хорош собой. Открытое лицо с прямым носом и высоким лбом, спортивное тело.

– Надеюсь, он не подведет...

Она встала пораньше, чтобы пройтись до библиотеки пешком. Какой смысл валяться без сна?

Людмилочке сегодня пришлось работать за себя и за подругу. Та сидела с отсутствующим видом, не слышала обращенных к ней вопросов, отвечала невпопад. После обеда они, как всегда, пили чай в подсобке.

– Иди-ка ты домой! – сказала она Тине. – Я сама тут управлюсь. Людей мало, кому охота в такую погоду сидеть, сушить себе мозги и дышать пылью?

– Что-то мне не по себе...

– Не переживай! Такой парень будет с тобой... – она вздохнула. – Боже, какие мужчины есть на свете!

Мечтательное настроение сменил житейский практицизм:

– А что ты наденешь? У тебя же нет ничего приличного, одни джинсы и футболки.

– Ты так говоришь, как будто мы идем на увеселительную прогулку или в ночной бар...

– Да-а, будет холодно и темно, – Людмилочка поежилась. – Бр-rrr!

Она представила себе ночной город, темную чужую квартиру и то, что может оказаться в этой квартире... Ей было бы страшно на месте Тины, но когда рядом такой мужчина... Эх, пожалуй, она бы рискнула!

– Ну, я пойду? – голос подруги звучал не слишком жизнерадостно.

– Иди-иди. Будьте там осторожнее!

Людмилочка решительно тряхнула головой и отправилась выполнять обязанности библиотекаря.

– Где вы ходите, девушка? Сколько можно ждать? – возмущался пенсионер, который приходил в библиотеку читать подшивки старых газет.

– Сейчас, сейчас, нужно же было книжку отыскать в архиве!

Она любезно улыбнулась и начала быстро и толково обслуживать посетителей: принимала и выдавала книги, делала соответствующие записи. Мысли ее в это время витали вокруг Тины и Сиура. Вот они едут в машине, спасаясь от погони... вот на них нападает преступник в квартире антиквара... Происходят же всякие чудесные события в жизни других людей! Почему не с ней?

Людмилочку позвали к телефону, и плаксивый голос свекрови вернул ее из романтических грез к повседневной рутине.

– У меня опять подскочило давление! – жаловалась та. – Я не смогу забрать детей из сада. А у Костика сегодня дополнительные занятия.

– Хорошо, мама...

«А все-таки в жизни могут происходить удивительные вещи!» – думала она по дороге к метро...

* * *

Тина продрогла. Окна в квартире антиквара были темными, одинокий фонарь тускло освещал знакомый лепной фасад. Боясь опоздать, она явилась слишком рано и теперь не понимала, зачем ей велели спрятаться в кустах, если вокруг не было ни души. Что ж, она сама настояла на своем личном присутствии...

Она не представляла себе, каким образом Сиур залезет в окно. Если только по дереву? Старая липа так разрослась, что ветками касалась стекол...

Раздался шорох. По ее коже побежали мурашки. Она затаила дыхание, сердце подпрыгнуло. Ей показалось, в свете фонаря промелькнула неясная тень. Все вокруг выглядело иначе, чем днем – угрожающе шевелилась листва, что-то хрустнуло буквально у нее за спиной! Нарастающая лавиной паника поглотила все ее благоразумие. Тина не успела закричать: большая ладонь зажала ей рот, и кто-то притиснул ее к земле, не давая шевельнуться.

– Я бы не советовал этого делать, – на самое ухо сказал насмешливый голос. – Не хватало только поднять визг на всю округу.

– Да вы... Как вы смеете! – она задыхнулась от возмущения. – Что вы подкрадываетесь, как... Вы меня напугали!

– Вы так спрятались, что вас только ленивый не нашел бы. А если бы на моем месте был убийца?

Тина не понимала, шутит он или говорит серьезно.

– Вам нужно перейти туда, – прошептал Сиур, показывая рукой в самую густую тень. – Ждите меня там. Машину я оставил в соседнем дворе.

– А сколько?

– Что сколько?

– Ждать сколько? – Тина разозлилась. Ей не хотелось оставаться одной в темноте. – И не смейте подкрадываться!

– Вы бы предпочли, чтобы я ломился, как медведь через заросли? У нас мало времени. Делайте, что я говорю. И постарайтесь не вопить по любому поводу. Слушайте внимательно, – добавил он, – если через час я не вернусь, уходите домой. Не разыскивайте меня и никому никогда не признавайтесь, что сегодня были здесь. Вы поняли?

Тина молчала, только глядела испуганно. Сиур легонько встряхнул ее:

– Вы слышите?

– Да, да. Только...

– Мы должны сделать то, зачем пришли сюда. Думать надо было раньше. Теперь время делать...

Глава 7

Сверчки пели в темноте свою песню. Ветерок шевелил листья старой липы. Сиур примелься и легко скользнул вверх по шершавому стволу. Не издав ни звука, он оказался напротив окна квартиры антиквара. Крепкие деревянные рамы заперты изнутри. Сигнализации нет. Он внимательно осмотрел окно – придется вынимать стекло. Черт, если со стариком все в порядке и тот просто уехал или попал в больницу, резать стекло глупо...

«Лучше уж войти обычным путем», – решил Сиур, спускаясь вниз. Авань, никому не приспичит покурить или собачку вывести. Припозднившийся донжуан или загулявшаяся девица тоже относятся к непредвиденным обстоятельствам. Зато вполне вероятно, что, никем не замеченный, он откроет дверь и войдет без лишнего шума.

Дом спал. Сиур вошел в подъезд и прислушался. Тишина. Он поднялся по лестнице, – вот нужная квартира. На площадке тускло горела лампочка. Достав отмычки, он справился с одним замком, затем с другим. Дверь открылась легко, незваный гость нырнул в плотную темноту чужого жилья и замер...

Никаких посторонних звуков. Сиур знал, что тишина и темнота бывают обманчивы. Именно они таят опасность. Он стоял в прихожей, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Потом медленно двинулся вперед. На полу высветились полосы... какой-то свет все же проникал сквозь тяжелые портьеры. Тина описала расположение комнат, чтобы он мог свободно ориентироваться.

Сиур достал фонарик, – луч света выхватывал ножки раритетной мебели, бахрому плюшевых накидок, бронзу и фарфор, картины, книги, вазы...

Он перевел дыхание. Ответ на вопрос висел в воздухе комнаты... тошнотворно-сладковатый, удушливый. Сиур привык к смерти, его не пугал ни вид ее, ни запах. Бояться следовало живых.

Он уже понял, что произошло. Свет его фонарика искал тело... Труп хозяина квартиры лежал на боку, как бы заглядывая под обитый гобеленом диван. Сухонький, тщедушный ста-

ричок... на такого дунь, и костей не соберешь. То, что это не естественная смерть, Сиур понял сразу, – он не смог бы объяснить, по каким признакам всегда уверенно определял это.

Так у рыцаря, выезжающего на ристалище, Цвета Прекрасной Дамы в какой-то момент неуловимо и необъяснимо превращались в Цвета Смерти. Становилось ясным, кто выйдет из этого боя победителем, а кого унесут верные слуги и пажи...

Сиур словно очнулся: ему вдруг показалось, что все еще звучат звуки рогов, призывающие рыцарей помериться силами, восторженные крики толпы, ржание коней, лязг железа... В ушах как будто засвистел ветер. Навстречу, неистово вращаясь, летело огромное копьё...

Отгнав видение, он нагнулся и внимательно осмотрел тело – никаких видимых повреждений не было, не было и крови. Переворачивать труп он не стал. Странно, что старик оделся так, будто собрался в гараж или сарай – но ни того, ни другого, со слов Тины, у деда не было...

Сиур посветил фонариком вокруг – никаких следов разгрома, борьбы. По крайней мере на первый взгляд. Включать свет было бы безумием. Какой-то шорох заставил его погасить фонарик. Нет, показалось. Однако пора уходить. Он еще раз осветил неподвижное тело, удивленно хмыкнул... за обшлага рукава покойника зацепилась паутина. Откуда бы взяться паутине? И еще. Старик умер неожиданно. Такие вещи Сиур умел отличать. Страх и отчаяние накладывают на все окружающее особое клеймо, впитываются в стены. Здесь этого не ощущалось.

Пора было уходить. Он сделал то, что обещал. Внезапно Сиур почувствовал себя героем бульварного детектива. Он чуть не рассмеялся. Но смех застрял в горле – в присутствии смерти шутить не пристало. Труп был здесь – не выдуманный, а самый что ни на есть настоящий... очень реальный...

Жалко старика. На его сокровища, похоже, никто не посягнул, но самую главную ценность каждого человека – жизнь – у деда кто-то отнял. Неправда, что старики жизнью не дорожат – чем меньше ее остается в запасе, тем неповторимее мгновения бытия. Так поздняя осень заставляет ценить последние цветы...

Сиур осторожно, не снимая перчаток, открыл дверь в соседнюю комнату, посветил фонариком – ничего. Вещи в порядке, все на местах, дверцы шкафов закрыты, ничего не опрокинуто, не перевернуто. Он задумался. Стараясь ничего не задевать, ни к чему не прикасаться, подошел к входной двери... внутри шевельнулось волнение, беспричинный страх. Этого он давно не испытывал. Ситуация, в общем-то, не экстремальная. Бывало похуже.

Его вдруг окутал холод, как будто смотришь в очень глубокий провал или бездну – и не знаешь, что там...

* * *

Тина притаилась в тени кустов, пытаясь что-то разглядеть за окнами Альберта Михайловича. Может быть, там никого нет, и этот Сиур не собирается туда лезть. Зачем ему? Постоит тихонько под домом, придет и скажет, что ничего, мол, не обнаружил, квартира пустая. Да еще, пожалуй, потребует плату за услуги...

Она сидела на траве, обхватив руками колени, и проклинала все на свете: их дурацкую затею, свою трусость, комаров... От обиды на Сиура, который без сожаления бросил ее здесь одну, она заплакала.

– Тихо, тихо – прошептал он, обнимая за плечи, чтобы не испугать. – Все, все, хватит. Все хорошо.

Слезы образовали на ее лице две дорожки и, стекая, накапливались на подбородке. Слов утешения не нашлось. Он просто кивнул головой, подтверждая ее худшие подозрения.

– Старик там... он мертв.

Слезы хлынули бурным потоком. Сиур не знал, что еще сказать. Девушка прижалась лицом к его плечу. Он обнял ее и помог встать.

– Идемте к машине...

Тина затихла на заднем сиденье. Сиур подумал, что покойник не может оставаться в квартире – лето, процесс разложения идет стремительно. Труп оказался в приемлемом состоянии за счет сухости тела. Он мысленно повторил свой маршрут по квартире антиквара – вроде все сделал аккуратно. Если милиция заподозрит убийство, следы отмычки в замках обнаружат. Решат, что их оставил преступник. Кстати, а как убийца попал в квартиру? Старик сам его впустил? Выходит, он его знал и не опасался. Или тот пробрался незамеченным? А потом просто вышел и закрыл за собой дверь...

Произошло это, по-видимому, днем, в промежутке между звонком старика в библиотеку и приходом Тины. Вспомнив о Тине, Сиур оглянулся – она уже не плакала.

– Как это случилось?

– Точно не знаю. Возраст... Упал, ударился... возможно, сердце прихватило... Было слишком темно, чтобы рассмотреть все как следует. По-моему, ничего не пропало.

– Откуда вы знаете? – ее голос звучал почти враждебно.

– Вроде бы все на местах...

Она всхлипнула.

– Никто не узнает, что вы там были?

– Если заинтересуются, то, конечно, поймут, что кто-то там был. Может быть, не я один там был.

– Как? Разве... Его что... его... у-убили?

– Возможно.

– Возможно?! Вы... что вы там делали столько времени? Раз ничего не пропало... Почему вы так думаете? Что вы молчите?!

Сиур отметил некоторые несуразности:

– Все окна в квартире закрыты наглухо... а на улице лето...

– Альберт Михайлович не любил открывать окна. У него же коллекция!

– Дышать-то надо...

– Старые стены хорошо сохраняют прохладу, а окна затеняет липа.

Сиур кивнул. В жилище антиквара действительно было зябко.

– Похоже, старик мертв уже около двух суток... Что вы собираетесь делать дальше? Будете молчать? – Он повернулся и посмотрел на Тину. – Хотелось бы избежать лишних неприятностей. Вы чего-то не договариваете. Я прав?

– Нет, я... Я ничего не знаю. Я никому ничего не скажу о вас и о том, что... – она судорожно вздохнула. – Я обещаю! Нам не следовало просить вас... это паника, я так боюсь... Людмилочка тоже будет молчать.

Сиур притормозил на светофоре, достал бутылку с водой и протянул Тине. Она сделала пару глотков, закашлялась.

– Что он носил дома? Халат... пижаму?

– Альберт Михайлович всегда надевал домашний костюм... легкие брюки и пиджак.

– Послушайте... старик убит, и вы что-то знаете. Если бы квартиру ограбили, я бы так не говорил вам. Но мне не нравится...

– Что не нравится?

– Все. Мне все не нравится! Не знаю, почему я согласился на эту авантюру, но теперь я должен знать, что вы утаиваете. Иначе я не смогу помочь вам.

Тина упрямо сжала губы и уставилась в окно. Он молча свернул на ее улицу. Дома и деревья, облитые неонами, казались призрачными. Сиур остановил машину, не подъезжая к подъезду.

– Я все рассказала, – она вдруг встrepенулась. – Это мой дом? Вы привезли меня к дому? Но... откуда вы знаете, где я живу? Кажется, я вам не говорила об этом! Вы что, следили за мной? Кто вам позволил? Это отвратительно! Это...

– Да, я привык узнавать все, что мне не говорят. А тем более то, что намеренно пытаются скрыть. Профессия обязывает! Я дам вам один совет: постарайтесь пройти домой так, чтобы вас никто не видел, выпейте водки, если у вас есть...

– У меня есть.

– Замечательно. Так вот, выпейте водки и ложитесь спать. Забудьте раз и навсегда о сегодняшней ночи. Вы не видели меня, а я вас. Я струсил и не пришел туда, где вы меня ждали. А вы разозлились, устали и вернулись домой. Вы меня слышите?

– Да-а, да... Я слышу, но почему...

– Нипочему. Просто сделайте то, что вам говорят. Скажите своей подруге именно так.

– Зачем вы меня пугаете? – взвилась она. – Вы... нет, вы командуете, как будто... я какая-то дура...

– Успокойтесь. Мне надо все обдумать. Идите домой, закройте на все замки и ложитесь спать. Вы запомнили, что завтра скажете Людмиле?

– Запомнила... – Тина медленно, как во сне, вылезла из машины.

Сиур испытал странное чувство, как будто он что-то теряет. Что-то уходит из его жизни вместе с этой женщиной... Он уже хотел позвать Тину, поддавшись непроизвольному импульсу, как она открыла дверцу и упала обратно на сиденье.

– Что случилось?

– Я... боюсь.

– Кого?

Вид у нее был смущенный и несчастный.

– Никого... Просто боюсь...

– Понятно. Я бы проводил вас, но не стоит, чтобы нас видели вместе. Думаю, именно сейчас вам ничего не угрожает, – он улыбнулся. – До утра вы еще успеете выспаться.

– Нет, я не хочу, чтобы вы меня провожали, я... Пойдемте ко мне! Я не смогу быть одна... я не усну, я просто не могу! Я боюсь, и... Вы не можете бросить меня! – она так стиснула руки, что пальцы побелели. – Вы не уйдете! Я ни за что не останусь одна... Я буду спать здесь!

Он чертыхнулся про себя и тихо сдал назад, припарковав машину так, чтобы ее не было видно из окон...

Глава 8

Лампочка на лестничной площадке перегорела. Тина никак не могла попасть ключом в замочную скважину и нервничала. Сиур молча стоял сзади.

– У вас есть фонарик?

– Нет.

– А зажигалка? Ничего не видно.

– Это хорошо. У вас любопытные соседи?

– Не знаю, наверное. Но сейчас еще все спят. Дайте хотя бы мобильник!

– Быстрее. – Сиур достал телефон и посветил. У Тины дрожали руки. Он взял у нее ключи. – Я сам открою.

Щелк! Дверь открылась, и они вошли в квартиру.

– Не зажигайте свет...

Полная риска жизнь научила его, что предосторожности лишними не бывают. Сиур крепко обнял Тину, они стояли в темноте, прислушиваясь. Впервые она не чувствовала себя в безопасности в собственной квартире.

– Оставайтесь здесь...

Сиур отпустил ее и бесшумно скользнул в комнату. Он проверил все, включая ванную и туалет.

– Можете входить.

– Почему вы... Вы что, думали, в квартире кто-то есть? Вы маньяк!

– Кажется, это вы боялись идти одна. А поскольку вы что-то скрываете... может быть, у вас есть для этого основания. Вот и ваш старичок, видно, был не прост. Не знаю, что у вас за дела, меня это не касается...

– Какие такие дела? На что вы намекаете?

Он молча прошел в кухню и поставил чайник. Заглянул в холодильник, достал водку и кусок сыра.

– Вам надо выпить. А мне не мешало бы помыться...

– Подождите, я дам вам чистое полотенце.
– Я тронут. Похоже, вы сменили гнев на милость?
– Это необходимость. Приходится терпеть вас.
– Получается, я напросился к вам в гости? Разве не вы грозились навеки остаться в моей машине?

Сиур взял полотенце и отправился в ванную.

Едва не заснув под душем, он наскоро вытерся, добрел до дивана и свалился, не успев спросить у хозяйки разрешения. Через минуту он уже тихо похрапывал.

Тина разобрала кресло-кровать, предназначенное для гостей, и улеглась, натянув на себя плед. Прилично это или неприлично – спать в одной комнате с малознакомым мужчиной, – она не задумывалась. Рюмка водки подействовала на нее благотворно. Веки ее смежились, и она задремала...

* * *

В комнате с деревянным потолком горел огонь. Сухие дрова весело трещали, по стенам плясали жаркие отблески пламени. У очага стояли массивные стулья с резными спинками. Пол выложен каменными плитами. Много места в комнате занимает развешенное повсюду оружие: боевые топоры с покрытыми вязью лезвиями, арбалеты, мечи, охотничьи ножи...

Станным это скопление оружия казалось потому, что комната принадлежала женщине. Об этом говорило изящное бюро темного дерева, красивые занавеси и тот особый, присущий женскому обиталищу уют, который нельзя объяснить, а можно только почувствовать.

Гость с трудом осознал, что он рассматривает незнакомую комнату. Тело будто свинцом налилось, и вряд ли он смог бы пошевелить хоть пальцем...

Шум непогоды почти не проникал сюда. Или буря утихла? Сколько времени он здесь? Воспаленный ум с трудом блуждал по своим собственным запутанным лабиринтам. Молодой человек вспомнил путь под дождем, порывы ветра, мокрые бока лошади... Лошадь! Где она?

Легкие шаги привлекли его внимание. Очень близко появились чуть раскосые темные глаза – они смотрели пристально и изучающе. Лицо женщины расплывалось, не складывалось в четкие формы. Ее пышные волосы рассыпались по плечам...

Она тихо отошла, и послышался звук, как будто что-то наливают. Женщина смешала немного горячего вина и рома, добавила душистых трав из ларчика и поставила все это на решетку над огнем. По комнате распространился густой пряный аромат. Ноздри мужчины, лежащего на постели, чуть вздрогнули, уловив запах. К высокому, влажному от жара лбу прилипли пряди волос...Какое у него красивое лицо!

Ночью ей пришлось позвать слуг, чтобы они втащили в дом обессиленного путника, сняли с него промокий плащ. Его тяжелое, холодное и безжизненное тело распростерлось на каменном полу. Он был бледен, закрытые веки с темными ресницами вздрагивали... Волна жалости затопила ее. У нее перехватило дыхание, как тогда, когда она маленькой девочкой смотрела с самой высокой башни на скалы и море далеко у их подножия...

Она опустила на колени и прикоснулась ладонью к щеке незнакомца. У него горячка... его нужно немедленно уложить, растереть целебными снадобьями...

Женщина следила за языками пламени. Человек любит смотреть на огонь. Бездны времен длится его путь – это дороги войны, путешествий и поисков...

Внезапный стон прервал ее размышления. Она торопливо налила в кубок горячее питье, поднесла к губам больного, бережно приподняла голову, помогая сделать несколько глотков...

* * *

Она только смотрит и молчит. Молчит и смотрит. Что-то дикое таится в ее раскосых глазах, высоких скулах, – темное, как ночь без звезд...

Он с трудом отвел глаза от ее лица. Откуда здесь эта женщина? Кто она? Он будто бы вернулся из нескончаемых странствий и увидел вдали родной берег. Корабль, вдоволь наплававшись по дальним мирам, вошел в родную гавань... Что это? Забытье... бред...

Волосы женщины пахнут сухими травами...

Горячее питье разлилось по его жилам, затуманивая сознание. Он сморгнул набежавшие слезы... Хотелось позвать ее, но он не знал имени...

Приходя время от времени в себя, он, борясь с дремотой, все смотрел на арбалет на стене... прямо напротив его глаз. Ложе покрыто густой старинной вязью. Арбалет в отблесках пламени казался последним видением уходящего мира...

Когда гость уснул, женщина взяла небольшую книгу в кожаном переплете, открыла золотой замочек и нашла нужную страницу: «...Все возникает, продолжается и прекращает существовать – но есть нечто, содержащее в себе все. Мы всегда в этом измерении и храним знания обо всем. Путь постижения истины очень длинен, но в конце концов все возвращается к исходному пункту. Лишь тогда понимаешь, что был здесь всегда. Ожидай странника в день бури, война в день битвы, возлюбленного в день страсти...»

* * *

– Ожидай странника в день бури... – повторяла она, поднимаясь по узким ступеням в полумраке башни. Дом строился как крепость, надежная защита для своих хозяев, удобный для отражения атак и длительной обороны. Наконец, показался люк в потолке. Рычаг натужно заскрипел, освобождая отверстие для выхода.

Женщина вышла наверх, с удовольствием вдыхая свежий морской воздух, – ветер растрепал ее волосы. Буря утихла, оставив повсюду следы своего триумфа – выброшенные на скалы водоросли, раковины, обломки досок.

– Ожидай странника в день бури... Неужели время пришло?

Она глубоко вздохнула, унимая волнение.

Над морем низко плыли тучи, но уже не черные, а светлые, в их разрывах показывалось скупое северное солнце. По углам башни грелись в его лучах чайки...

* * *

Сиур открыл глаза – незнакомые стены, незнакомые вещи... Наваждение за наваждением! Как в волшебном лабиринте, одна незнакомая комната сменяет другую: разные эпохи, разные стили, – калейдоскоп реальностей или, скорее, нереальностей. Какой сюжет ждет его в этой комнате? Предыдущий он так и не досмотрел...

Так, наверное, чувствует себя пассажир, который, выйдя из поезда, вдруг обнаруживает, что станция вовсе не та: не тот перрон, не тот вокзал и даже деревья не те. В ужасе он оглядывается, взирая на хвост удаляющегося состава, – и понимает, что других поездов не будет.

Он привстал и увидел спящую хозяйку квартиры. Волосы, вчера собранные в тугий пучок, растрепались, щеки порозовели... Мягкие черты, нежность, даже наивность. Ее рука свесилась вниз, и он поймал себя на том, что хочет поцеловать эту руку...

Детали ночного посещения антиквара предстали в свете утра обыденными. Он прикинул, какие необходимо навести справки и что предпринять. Его взгляд лениво скользил по комнате – необычный портрет, фотография женщины заставила вновь напрячься. Глаза с портрета поймали его как мишень и заворожили. Неразрешимая загадка вот-вот, казалось, прояснится, – все элементы встанут на свои места, и... последнее прозрение не наступило.

Сиур перевел взгляд на стену. Там висел огромный и самый что ни на есть настоящий лук.

Ничему уже не стоило удивляться. Да и чем его можно было удивить? Его, видевшего то, чего и видеть-то людям нельзя.

Он присмотрелся внимательнее: обычная стена, оклеенная обычными обоями – но лук на ней, тяжелый, круто изогнутый, блестящий, выглядел вполне реально. Сиур откинулся на подушку и прикрыл глаза – стоило немного отдохнуть...

На верхушке башни женщина с развевающимися волосами целилась из лука вдаль. Ее тонкая и сильная фигура отчетливо выделялась на фоне красного предзакатного неба. Ветер рвал ее платье...

Видение померкло. Он открыл глаза и вздрогнул – на той же стене все так же висел лук. Пришлось встать, подойти и потрогать. Настоящий!

Сиур вытер испарину со лба. Он сходит с ума, это ясно. Ввязался в совершенно идиотскую авантюру, которая может создать проблемы... Все это время он ходил, думал и действовал как во сне, по наитию, по непостижимой для него самого как бы отстраненности от жизни...

С улицы доносились звуки трамваев, городского шума. Рассвело. Сиур приоткрыл окно: обычные московские дома, спешащие по своим делам прохожие – знакомая картина. Все как всегда. Будни. Работа. Его ждут сегодня на фирме. Правда, он предупредил, что опоздает. Пожалуй, пора собираться...

Он уже готов был выходить, потом резко повернулся, неслышно прошел в комнату, долго смотрел на спящую женщину... нагнулся и, затаив дыхание, прикоснулся губами к ее щеке.

Все внезапно приобрело смысл. Новый, неведомый и привлекательный...

Глава 9

Людмилочка не находила себе места. То, что Тина опаздывает, было само по себе удивительно, но то, что она опаздывает именно сегодня, после того... после того как...

Людмилочке не удавалось додумать эту мысль до конца. Ситуация была неординарная и предполагала множество вариантов ответа. Один интереснее другого. Фантазия женщин неистощима. Отдавшись ей, Людмилочка невпопад отвечала на вопросы, не могла найти нужную книгу, то и дело задумывалась, чем действовала на расстроенные нервы читателей библиотеки. Ей пришлось выслушать уже несколько гневных тирад...

Пока возмущенный пенсионер переводил дух, готовясь излить новый поток негодования, Людмилочка подняла голову и увидела...

– Тина!

Она вскочила и бросилась к подруге, увлекая ее в подсобку. Не ожидавший подобной наглости старик так и остался с открытым ртом. Затем откашлялся, нервно оглянулся, поправил галстук и застыл с оскорбленным видом.

– Ну что? Рассказывай! Я тебя еле дождалась. Всю ночь не спала!

Это было явным преувеличением. На самом деле Людмилочка, наработавшись на кухне, навозившись с детьми, поссорившись в очередной раз со свекровью, заснула, едва ее голова коснулась подушки. Подскочив утром от резкого звонка будильника, которого она считала своим врагом номер один, она честно решила, что ночь напролет мысленно была неразлучна с любимой подругой и переживала за нее.

Тина не выспалась, расстроилась, – ей было жаль не только Альберта Михайловича, но и себя. В то же время она ощущала затаенную радость. В ее мыслях появился мужчина... Оказалось, что чудеса все-таки происходят, особенно если в них веришь и, несмотря ни на что, ждешь.

«Ради покоя люди готовы променять звездные фейерверки на тусклый свет лампочки, – любил повторять старик. – Они мало знают о мире, который можно открывать, страницу за страницей. Самое ужасное, казалось бы, событие порой оборачивается счастьем...»

– Ну же, – теребила ее Людмилочка. – Не молчи...

Она вспомнила, что Сиур велел никому ничего не рассказывать. Ей и самой не хотелось. Проснувшись с тяжелой головой, она поднялась и поплелась в ванную, где долго плескалась холодной водой. Когда вернулась в комнату, заметила: диван убран, гость исчез. Как же так? Ушел и даже не попрощался.

Собственно, все закончилось, он выполнил свое обещание. Наверное, рассердился, что его втянули в неприятности. Теперь милиция будет расследовать, кто и за что убил Альберта Михайловича. В квартире могли остаться следы...

Тина с тоской посмотрела на портрет Евлалии и только сейчас заметила лежащую рядом записку.

«Тина, мне нужно уйти. Работа. Не стал вас будить. Я сам позвоню вам. Ничего не принимайте без моего ведома».

Уныние тут же сменилось радостью – они еще увидятся! Сиур знает, как нужно поступить, он все сделает правильно.

– Ты совсем меня не слышишь, да? – Людмилочка испуганно всматривалась в ее лицо. – Что вы выяснили?

– Я ждала Сиура там, где договорились... а он не пришел. Вернулась домой ни с чем. Несерьезный у тебя знакомый. Может, он трусил?

– Ты что? Чтобы такой мужик трусил?! Ты, наверное, место перепутала... или время.

– Ничего я не перепутала. Он не пришел, вот и все! И вообще, хватит меня расспрашивать. Я не выпалась, страху натерпелась. И все зря.

– Не может такого быть! Я простая, конечно, но не до такой же степени! – Людмилочка подозрительно взглянула на подругу. – Ты меня обманываешь. Чего-чего, а этого я от тебя не ожидала!

Тине вдруг стало неловко и обидно. Она решительно тряхнула головой, села на выдавший виды кожаный диван и... все рассказала. У них никогда не было тайн друг от друга. И вообще, если уж не доверять самым близким...

* * *

Сиур обдумывал полученную информацию и не мог отделаться от ощущения, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Похоже, кто-то затеял мистификацию. Но зачем?

Суть дела заключалась в том, что никто, – почти никто, – не знал лично старого антиквара. Многие о нем слышали – был, дескать, давно такой ценитель древностей и отменный специалист, но никто его не видел. Никто даже не мог сказать наверняка, жив он или нет. Когда Сиур пытался выяснить, откуда у человека сведения об антикваре, оказывалось, что ему говорил об этом кто-то другой, а тому кто-то третий. Старик был неуловим.

Сиур анонимно сообщил о трупe и ждал приезда оперативной группы. Наблюдательный пункт он себе присмотрел заранее. Какие детали могут пролить свет на загадку, наперед не угадаешь. Поскольку второй раз лезть в квартиру рискованно, хотя и такой вариант он не исключал, стоило посмотреть, как будет работать милиция.

Надо бы отыскать и таинственного племянника...

* * *

Людмилочка, раскрыв рот, слушала рассказ Тины о ночных похождениях. Она то ужасалась, то хихикала... История оказалась с плохим концом, но это почему-то было интересно.

– Ой, Тинка, я так и знала, я же тебе говорила... – Она оглянулась и шепотом добавила: – Старика племянник убил. Из-за коллекции. Знаешь что? Он и тебя может убить. – Она победоносно посмотрела на подругу.

– Меня? С какой стати? Что ты городишь?

– А вдруг Альберт Михайлович тебе все свое имущество завещал? Из-за наследства людей и убивают. Ты что, книг не читаешь?

– Что за ерунда! Какое завещание? Не было никакого завещания. И почему мне? Я ему никто – чужой человек. Что ты вечно выдумываешь!

– Ты и вчера мне говорила, что я выдумываю, а вышло по-моему. Альберт Михайлович – одинокий старик, ни с кем, кроме тебя, не общался, вот и... – она задумалась. – Хотя постой, если и нет завещания... тебя могут убрать как свидетеля!

– Да я же ничего не видела...

– А вдруг видела? Видела, но сама не знаешь об этом? А убийца знает и будет теперь за тобой охотиться.

– Как это «видела, но сама не знаю»?

Людмилочка стояла на своем.

– Тебе грозит опасность! Я знаю, что делать! Нужно срочно все выяснить. – Она решительно кивнула головой, подтверждая собственные слова.

– Мы с тобой уже выяснили. Остальное – дело милиции. В конце концов, кто-то же сообщит, что Альберт Михайлович не выходит из квартиры...

– Слу-у-ушай, давай поедem к его дому, засядем в кустах и будем следить. Говорят, убийцу всегда тянет на место преступления! – глаза Людмилочки загорелись.

– О боже! Надеюсь, ты не думаешь, что нам по восемь лет и мы все еще играем в казаки-разбойники?

– Но что же все-таки делать? А что, если нам съездить к Виолетте Францевне? Как я сразу не сообразила! Я только позвоню Костику, чтобы забрал детей из садика, и поедem. Она живет в Тарасовке. Адреса я не помню, но как-то пару раз приезжала к ней, думаю, смогу найти ее дом.

Людмилочка побежала звонить Костику, а Тина в изнеможении осталась сидеть на диване. У нее не было сил поинтересоваться, кто такая Виолетта Францевна. Она дошла до того состояния, когда ее можно везти куда угодно и к кому угодно...

Из абонементного зала доносились голоса, тикали часы на стене, за окнами шумел транспорт. Тина смотрела на ящики с картотекой, на комнатные цветы, на портрет Тютчева на стене, и все, происходящее с ней, казалось сном. Сейчас она проснется, и все кончится. Хочет ли она, чтобы все кончилось? И да, и нет. Не случись этого, она бы не встретила Сиура...

Глава 10

Сиур сидел в машине и делал вид скучающего мужчины, который ожидает не то женщину, не то друга... Он достал газету и развернул ее, прикрыв лицо.

Через час к дому антиквара подъехала опергруппа. Пара бабушек и одна молодая мама с ребенком стояли у подъезда, наблюдая необычную суету. С пронзительным мяуканьем из парадного выскочил кот, за ним к стоящей неподалеку «скорой помощи» пронесли накрытые простыней носилки с телом.

Один из милиционеров подошел к зевакам, задавая им обычные в таких случаях вопросы. Бабушки качали головами и разводили руками. Сиур не мог слышать, но предполагал, что они говорят: ничего не видели... ничего не знают... старик был тихий... ничего добавить не могут.

Судя по тому, как быстро милиционеры уехали, опечатав квартиру, они сочли смерть естественной. На убийство ничто не указывало, взлома не обнаружено, вещи все на месте – зачем им лишняя работа? Очередной «висяк», за который никто по головке не погладит?

Пока все шло гладко. Сиуру очень хотелось расспросить соседей самому. Он увидел двух подростков, которые вышли из-за угла и о чем-то переговаривались. Но сейчас этого делать было нельзя.

Лишившись интересного зрелища, любопытные разбрелись кто куда. Сиур подождал еще немного. Ничего не произошло. Он вдруг представил огромный лук на стене у Тины. Библиотекарьша стреляет из лука? Ему стало смешно. Тина была совершенно не в его вкусе, и тем не менее она как будто завладела им...

* * *

Голову Изиды²украшала драгоценная диадема с двенадцатиконечной звездой. На ее груди – сверкающее ожерелье. Руки Изиды протянуты вперед, ладони раскрыты, пальцы подобны золотым лучам. Эти десять пальцев и двенадцать лучей диадемы на лбу Богини символизируют двадцать две тайны мага...

«Перед лицом семи планетарных духов – исполнителей Воли Всемогущего, Вечного и Неизменного Единого – клянусь... хранить в тайне все, что услышала и увидела, как и то, что услышу и увижу в Святилище Магов Жизни и Смерти. Если я когда-нибудь нарушу свою клятву...»

Во дворе залаяла собака. Виолетта Францевна очнулась. Египетские светильники в ее сознании померкли... Сегодня необычный день: воссоединилось несоединимое – предсказанное в посвящении сбывается. Она тяжело поднялась с кресла и выглянула в окно. У калитки стояли две незнакомые женщины.

Когда после долгого блуждания по поселку Людмилочка, наконец, устремилась к добротному кирпичному особняку, Тина подумала, что подруга ошиблась. Дом стоял в глубине двора, где не было и намека на сад или огород. Самшит, туи, карликовые сосны... отсутствие грядок, хороший забор, большие ворота – все это говорило о том, что хозяева в деньгах недостатка не имели.

– Ты уверена, что мы пришли туда, куда нужно?

– Конечно, уверена.

– Ты же говорила, что это пожилая пенсионерка, вдова ученого. Кстати, как она гадает? На картах? Не видно, чтобы она нуждалась в деньгах. Смотри, какой домина.

Людмилочка засмеялась.

– Ну и что? Денег она за это не берет. И вообще, она никому не гадает. Только о-очень хорошим знакомым или знакомым хороших знакомых. Скажи я тебе правду, ты бы ни за что не поехала. А так – развеешься хотя бы!

Тина не пожалела, что поехала. Воздух здесь был чудесный, повсюду березы и сосны, вдалеке, красиво изгибаясь, текла река. Над рекой стояла старинная церковь с зелеными куполами.

Хозяйка дома вышла на крыльцо. Близоруко щурясь, рассматривала гостей, потом открыла калитку.

– Людочка! Как я рада вас видеть. – Она вопросительно посмотрела на Тину. – Это ваша подруга? Входите же...

Виолетта Францевна рассказала им, как она скучает здесь одна, как давно к ней никто не заходил.

– Вы уж извините за беспорядок. Дом большой, а мне уже немало лет, к сожалению. Не успеваю убирать, – тяжело. Вторым этажом я почти не пользуюсь, только первым. Хоромы достались мне от мужа. Когда он умер, очень тоскливо стало в московской квартире, вот и переехала сюда – здесь все-таки воздух, речка. Вы присаживайтесь...

Просторная гостиная была оклеена темно-красными обоями, такие же шторы, желтый паркет. Вокруг резного деревянного столика – светлые диван и кресла. На стенах висели картины с библейскими сюжетами. И много свечей повсюду.

Тина рассматривала букеты цветов, сделанные из минералов.

² Изида – древнеегипетская богиня плодородия, великая волшебница и целительница, символ женственности и семейной верности, жена Осириса и мать Гора.

Виолетта Францевна совершенно не походила на гадалку – худощавая, в строгом темном платье, она скорее напоминала учительницу, чем прорицательницу. Тина представляла ее совсем другой: с пронзительным цыганским взглядом, массивными золотыми серьгами, всю унизанную кольцами и браслетами.

Людмилочка робко подала голос:

– Мы... с нами происходит что-то странное. Я имею в виду, с Тиной, – она кивнула в сторону подруги. – Вот мы и решили, то есть я предложила... вернее...

Хозяйка смотрела куда-то в сторону, словно происходящее ее не касалось. Наконец она обратила свой взор на посетительниц, сложила руки на коленях и вздохнула.

– Что с вами произошло?

– Ну, я же говорю, произошло ужасное... – Людмилочка чуть было не выпалила «убийство», но вовремя прикусила язык. – Мы хотели бы узнать, если можно, конечно, что будет дальше в связи... с этими событиями. Понимаете, не хотелось бы говорить конкретно, есть причины, по которым...

– Я понимаю. – Виолетта Францевна поправила волосы: они у нее были седые, собранные в узел. – Подождите минутку...

Она вышла в другую комнату и вернулась, неся большой металлический ларчик. На крышке два льва сидели спиной друг к другу, а между ними мерцал золотой диск.

Тина завороченно смотрела на ларчик. Металл потускнел и потемнел от времени, но диск блестел, как новый.

– Умей отличать преходящее от вечного, и поймешь все о жизни... – торжественно произнесла Виолетта Францевна, глядя на Тину. – Случай неисповедим, но вы следуете предначертанному пути. Символы *Книги Тота*³ отвечают на все вопросы.

Она открыла ларец и достала оттуда очень древние карты Таро и горсть минералов. Камешки самых необычных цветов и форм были гладко отшлифованы.

Виолетта Францевна разложила карты и долго смотрела на них. Потом подняла одну карту и показала ее девушкам:

– Этот символ называется «Безумец». Взгляните, он несет все свои магические способности в заплечной сумке. Он не знает о них. Он опирается на посох – знания, убеждения, суждения, которые не помогают ему и не защищают его. Он упрямо плетется по пустыне к своей гибели. Это ваше прошлое. Вам дано выйти из этой кармы⁴. Конечный мир останется позади...

Людмилочка незаметно наступила Тине на ногу. Она ничего не понимала!

Гадалка опустила глаза.

– Вам предстоит... Впрочем, это я скажу вам завтра. Боюсь, вам придется приехать еще раз... От вас не будет утаено ничего, что может быть открыто... Вы получите ответы на свои вопросы. Но только завтра. Завтра...

* * *

По дороге домой девушки почти все время подавленно молчали. Пейзаж за окнами электрички уже не радовал. Настроение испортилось.

– Почему она нам сразу не погадала? – недоумевала Людмилочка. – Ты заметила, как она растерялась?

– Ее что-то смутило в раскладе...

³ Тот – в древнеегипетской мифологии бог Луны, письменности, магии и мудрости. Наблюдал за астральным циклом, ведал гармонией.

⁴ Карма (санскрит – деяние), в узком смысле – влияние ранее совершенных действий на настоящее и последующее существование.

Тина представила пустую темную квартиру, в которую ей нужно было идти, и поежилась.

– Поедем ко мне, – предложила она Людмилочке. – Позвонишь своим, предупредишь, чтобы не волновались. Ничего с ними не случится, побудут одну ночь без тебя! Попьем чаю, поболтаем. Костик-то дома!

– Ой, ну ты скажешь тоже – Костик! Да он сам – третий ребенок. Они, небось, без хлеба сидят, не евши. Собаку не вывели, Алеське лекарство забыли дать... – Людмилочка посмотрела на часы. – Он детей даже спать не уложит! А завтра утром в садик... Пойдем ко мне, если хочешь.

– Нет, тогда я лучше домой, у вас и без меня тесно. Я тебе позвоню перед сном.

Тина представила себе галдеж детей, ворчание Костика, горы невымытой посуды, голодную собаку, очередь в ванную утром и вечером и посочувствовала подруге.

Она с трудом преодолела искушение позвонить Сиуру. Что она ему скажет, не важно, главное – слышать его голос. Можно придумать какой-нибудь предлог: спросить, не узнал ли он чего нового, или... Тут Тина вспомнила, что Сиур обещал сам с ней связаться.

Если бы кто-нибудь раньше сказал ей, что она будет стогать от нетерпения в ожидании звонка мужчины, она бы... А, ерунда! То было в другой жизни, когда все было другое, и она тоже.

Дома Тина закрылась на все замки, прошла на кухню и поставила чайник. Ее всегда успокаивали обычные домашние дела, но сегодня этого не произошло. Не найдя себе места, она бесцельно бродила по квартире, пока свисток чайника не вынудил ее вернуться на кухню.

Телефон молчал. Тина пила горячий чай, не ощущая его вкуса. Мысли роем кружились в голове, беспокойство нарастало, а надежда, что мобильник зазвонит, гасла. Когда она почти перестала ждать, раздался звонок. Тина схватила трубку...

– Ты уже дома? – раздался голос Людмилочки. – Я почему-то волновалась. Все в порядке?

– Спасибо, все хорошо. Как там твои?

– Слава богу, что я не поехала к тебе! У Павлика горло разболелось, а Костик не смог его заставить пополоскаться. У Алеськи завтра в садике праздник, пришлось срочно стирать ей платье – вдруг оно не успеет высохнуть? Сушу феном. Слышишь шум?

– Ага.

– Ладно, на работе увидимся. У тебя правда все в порядке?

– Да...

Стоя в душе под горячими струями, Тина никак не могла согреться – кожа покрылась мурашками, тело вздрагивало. Показалось, что зазвонил телефон. Она прикрутила воду и прислушалась. Так и есть – телефон! Она схватила халат, кое-как натягивая его на мокрое тело, выскочила из ванны и, шлепая босыми ногами, помчалась в комнату. С волос текла вода...

– Тина? Добрый вечер, – пророкотал в трубке голос Сиура. – Как у вас дела?

– Нормально... Мы с Людмилочкой ездили за город...

– Зачем?

– Ну... – она не сразу нашла, что ответить. – Знакомую проводывали. А что?

Если бы он знал *что*!

– Я бы советовал вам быть осторожнее...

– Послушайте, – Тина сглотнула подступивший к горлу комок. – Вы что-то узнали?

– Да. Но это не по телефону. Вы дома? Я могу подъехать?

– Подъехать? – она почувствовала, что краснеет. – Да, конечно, если надо...

– Хорошо. Я звоню из машины. Скоро буду.

Тина в растерянности уставилась на лужу под ногами. О Господи! Она метнулась в прихожую, с ужасом посмотрела на себя в зеркало – мокрые волосы повисли, бледная, под глазами синяки... халат прилип к телу...

Раздался звонок в дверь. Тина подошла, обреченно открыла замки. Сиур недовольно спросил:

– Почему не спрашиваете кто? Разве можно открывать кому попало? На лестнице темно... в глазок ни черта не видно...

– Лампочку вкрутить некому...

– Вы позволите? – с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться от ее вида, он прошел в комнату.

Тина поплелась следом. Было уже все равно, как она выглядит, – главное, он с ней, рядом. Она не пыталась привести себя в порядок или хотя бы убежать в другую комнату. Сиур представил себе Веру, свою любовницу, в таком виде – это было невероятно.

Вера сегодня дважды звонила ему, и он отказался от встречи. Холеная красавица вдруг стала нежеланной, более того, скучной. Всегда раскрашенная, всегда разодетая и всегда бесчувственная.

Перед ним сейчас стояла другая женщина – растерянная, испуганная, уставшая, с мокрыми волосами, босиком и в домашнем халате... Но – живая. Она может чувствовать! Вымирающая порода женщин.

Сиур сходил за полотенцем.

– Вам нужно вытереть волосы...

– Извините, – Тина закрутила полотенце на голове. – Сама не знаю, что со мной. Слишком много событий для заурядной библиотечарши. Спасибо, что вы приехали. Честно говоря, мне не совсем уютно одной. Я просила подругу переночевать, но у нее дети... Так что я рада. Правда. Хотите чаю?

– С удовольствием. Я вам помогу.

Сиур прошел за ней в кухню, достал чашки и поставил чайник, который успел уже остыть.

Тина сидела и смотрела, как он все это делает, не спеша и аккуратно. Видно было, что он привык сам себя обслуживать и это ему не в тягость.

– Прошу, – он поставил перед ней дымящуюся чашку.

Чай был заварен превосходно. Тина взяла из вазочки шоколадную конфету.

– Шоколад – это женский наркотик...

Хозяйка оттаивала, глаза заблестели. Совершенно неожиданно она рассказала ему про Евлалию Кадмину, про свою любовь к стрельбе из лука, про дружбу с Альбертом Михайловичем, – словом, про все-все... Ее простота и внутреннее достоинство поразили Сиура. Она все больше нравилась ему...

– Минуточку. Простите, ради бога! Вы сказали, что старик обещал показать вам чердак. Он вам его показал?

– Конечно, – Тина удивленно взглянула на него. – Альберт Михайлович всегда выполнял свои обещания.

– И что там, на чердаке?

– Много всего: старые газеты, журналы, бумаги всякие, письма. Я даже взяла пачку себе – почитать. Интересно окунуться в чужую жизнь...

– Что-нибудь еще там видели?

– Еще? – она подумала. – Мебель старая, пустые ящики... сундук большой был. Старые тряпки какие-то, но все в пыли, в паутине. Пылища ужасная. Прямо толстым слоем, как пух.

– Паутина? – Сиур вспомнил паутину на рукаве мертвого старика.

– Да...

– Старик вам ничего про чердак не рассказывал?

– Рассказывал... романтические истории всякие, там же письма лежали – про людей, которые их писали, у кого какая судьба... про любовь... А вы что об этом думаете?

– О чем?

– О любви, – она прямо и спокойно смотрела на него, ожидая ответа.

Он уже открыл рот, но готовая слететь с губ циничная фраза как будто натолкнулась на невидимое препятствие. Глупо, но женщина застала его врасплох. То, что он был готов сказать и всегда говорил, оказалось невозможным вымолвить в ее присутствии. Пауза затягивалась...

– Я об этом не думаю, – буркнул он.

Тина заметила, что он волнуется. Его уверенность слетела, как перышко. Слишком легко.

– А о подвале старик не говорил? Под домом есть подвал? – Сиур решил перевести разговор в прежнее русло.

– Да, – кивнула она. – Большой подвал. Альберт Михайлович несколько раз говорил о подвале. Он намекал, что расскажет мне что-то очень важное, но все время откладывал.

Сиур раздобыл карту подземных сооружений и уже знал, что под домом, где жил антиквар, имелись очень старые подземелья – здание было построено на них. Подвалы достраивались и перестраивались уже в недавнее время. Кто выполнял работы, пока не удалось узнать.

– Так вы не были в подвале?

– Почему это вас интересует? – удивилась Тина. – Мы собирались, но... У Альберта Михайловича был свой ключ от подвальных помещений – он мне его показывал. Сам ключ очень необычный, я таких никогда не видела. Музейный экспонат, а не ключ.

– Где старик его хранил, не помните? Может быть, он когда-то доставал его при вас...

Тина наморщила лоб.

– Однажды он действительно доставал ключ при мне, но я не обратила на это внимания. Хотя постойте... по-моему, он лазил под диван. Да-да! Меня еще это рассмешило: зачем ключ хранить в таком неудобном месте. Поэтому и запомнила, наверное.

Сиур внутренним взглядом снова увидел в круге света от фонарика мертвое тело, лежащее на боку, лицом к дивану – как будто старик пытался что-то рассмотреть там... Или достать! Возможно... ключ все еще там? Несомненно, стоило убедиться, на месте ли ключ. Но как? Опять лезть в квартиру?

– Старик вам ничего не передавал на хранение? Ничего не дарил? Не просил ничего передать кому-либо?

– Н-нет... То есть да, дарил, конечно, всякие старинные безделушки – но они не очень дорогие. Вот, портрет Евлалии мне подарил. Альберт Михайлович говорил, что я на нее похожа.

А ведь правда. Сиур посмотрел на Тину по-новому...

Глава 11

Лежа на том же диване, что и в прошлый раз, Сиур обдумывал создавшееся положение. Убит богатый старик. Во-первых, по нынешним меркам не такой уж и богатый, во-вторых, слишком таинственный для обычного человека.

Никаких сведений, нигде, ни у кого – все зыбко и неопределенно. Паспорт, прописка... все это было. И что? Жил антиквар замкнуто, одиноко, в кругах коллекционеров не светился. С соседями не общался. Сплошные темные пятна...

Как его угораздило познакомиться с Тиной? Старик приходил в библиотеку всего пару раз... явно не за книжками. Зачем тогда? Ему была нужна Тина?

Сиур не заметил, как уснул... и картины «знакомой-чужой» жизни всплывали и разворачивались в его сознании подобно цветку, раскрывающему свои лепестки...

* * *

Установилась тихая безветренная погода. Небо, подернутое облачной дымкой, на горизонте сливалось с морем...

Молодой человек окреп настолько, что смог подниматься на башню. Одолев винтовую лестницу, он оказывался на ровной площадке, как бы парящей в воздухе. Чайки носились над головой, далеко внизу плескались зеленые волны.

Он заметил, что в доме жили несколько слуг, а вот хозяев, кроме ходившей за ним женщины, он так и не видел. Большое количество оружия, различных припасов, чуть ли не крепостные стены и неприступное расположение дома свидетельствовали о том, что здесь могли жить опытные и закаленные жизнью мужчины.

В ненастные дни гостю нравилось бродить по этому мрачному и вместе с тем надежному дому. Темные коридоры сменялись внутренними площадками – ничего лишнего, только

светильники да узкие глубокие окна, похожие на бойницы. Двери во все комнаты обычно бывали плотно закрыты, из-за них не доносилось ни звука.

Дом напоминал спящего великана – в нем поддерживалась жизнь, все было отлажено, но в то же время будто бы спал, то ли отдыхая от каких-то бурных событий, то ли ожидая их. В этом доме жила тайна. Она витала в воздухе...

Гостю никто не препятствовал разгуливать по дому, но никто и не поощрял его к этому. Молчаливое неодобрение – вот что ощущалось со стороны его обитателей.

Однажды вечером, когда все, казалось, уже спали, молодой человек долго ворочался с боку на бок. Поддавшись непонятной тоске, он поднялся и принялся бесцельно бродить по темным коридорам, как вдруг...

Он не поверил своим глазам, – одна из дверей в угловую комнату, которая особенно возбуждала его любопытство, оказалась приоткрытой. Затаив дыхание, гость неслышно приблизился к полоске света, пробивающейся в узкую щель между стеной и мореным дубом панели, скрывающей вход в таинственную комнату. Там горел огонь в широкой металлической чаше, курился ароматический дым, в углу стоял идол... мерцал золотом, переливался черным и синим... Странная фигура, странная поза... дикие, жуткие предметы...

Он зажмурился, тряхнул головой – может, снова болезненный бред? До испарины и дрожи в ногах испугало то, что ему как будто были знакомы эти запахи, эти вещи, этот идол... Неужели болезнь повредила его рассудок? Или snadобья молчаливой хозяйки были отравлены? Он провел рукой по лбу... пальцы стали влажными, голова закружилась, его шатнуло...

Ритуальные фигурки и магические символы заворожили его... он вдруг ощутил себя другим человеком: мудрым, полным внутренней силы. Словно он когда-то был этим удивительным, могущественным человеком, который знал... Что? Что он знал?

Тошнотворной волной накатила слабость...

Да, эта женщина в комнате! Она уже была... Совсем не такая, но он узнал ее, узнал бы из тысяч... Она смотрела на огонь. Как и тогда. Она шептала неведомые заклинания... манила его к себе...

«Так будет всегда», – подумал он, опускаясь в небытие...

Молодой человек, видимо, упал и пролежал в коридоре до утра. Во всяком случае, очнувшись на холодном полу, он так и не смог ответить себе на вопрос: что было и чего не было? Было ли ночное видение плодом помраченного болезнью рассудка или безумной явью?

Никто ничего не сказал ему, никто его ни о чем не спросил. Хозяйка дома вела себя ровно, как будто ничего не произошло. Один только раз ему удалось поймать ее внимательный взгляд, который она тотчас отвела...

Он терялся в мучительных раздумьях. Здесь, на верху башни, сладкий морской воздух и резкие крики чаек позволяли ему забыться.

В гулком башенном колодце раздались долгожданные звуки... Женщина ежедневно поднималась сюда. Подолгу молча смотрела вдаль, в бело-розовый туман. То ли ждала кого-то, то ли тосковала по ком-то...

Жгучий интерес гостя оставался неудовлетворенным. На вопросы хозяйка отвечала уклончиво или не отвечала вовсе. Всегда была ровно приветлива, а с тех пор, как он начал поправляться, стала едва замечать его. Иногда она поднималась на башню с огромным блестящим луком и стреляла, стреляла... Натягивала тетиву и наслаждалась пением стрел. Она словно срасталась с оружием, становилась с ним одним целым, – настолько совершенным было каждое ее движение, каждый изгиб тела... Потом она спокойно опускала лук, но как блестили ее глаза, вздымалась грудь!

О, как он жаждал прижать ее к себе, вдохнуть запах ее волос, платья, прикоснуться лицом к ее щеке...

* * *

Сиур проснулся. Долго не мог унять волнение. Сердце бешено колотилось. Он лежал, глядя в ночь за окном...

Завтра перво-наперво нужно съездить к дому антиквара и поговорить с подростками. Околачиваются во дворе, в парадном, стараясь не попадаться на глаза взрослым, – такие ребята могли что-нибудь заметить, не придавая этому значения. Только расспрашивать надо умно.

Так... затем подвал. Вот с подвалом сложнее. Может быть, ночью?

Он перекинулся мыслью на племянника. Племянник у старика действительно был, – настоящий, из плоти и крови, и даже работал, причем действительно в одном из коммерческих банков.

У него мелькнуло желание утром остаться и после ухода Тины обыскать ее квартиру, но он подавил это желание. С женщинами всегда так. Начинаешь решать какую-нибудь их проблему путем приобретения еще больших проблем. С мужиками все проще. Он вздохнул и стал думать о Тине. Она спала в другой комнате. Спала ли?

Старика она, по-видимому, действительно любила. Интересно, где ее родители? Похоже, она одинока, если не считать малохолной Людмилы. Он внутренне улыбнулся, – хотя Людмила хорошая баба, добрая, бесхитростная и преданная, без всяких этих новомодных штук...

Так, в полудреме, он дождался утра.

Тина вышла на кухню тихая, под глазами темные круги. Волосы она гладко зачесала назад, заколола. Библиотекарьша! Потянула носом, вдыхая запахи кофе и поджаренной ветчины.

– Вкусно пахнет! Как будто мама дома...

– Я тут у вас хозяйничаю, – сказал Сиур, приглашая ее позавтракать. – Вы не против?

– Конечно же нет. Это замечательно. – Она положила в чашки сахар и налила кофе ему и себе. – Ой, я даже не спросила, вам с сахаром или без? Так давно никто не готовил для меня завтрак. Знаете, я очень не люблю готовить. Просто терпеть не могу! Женщина не должна так говорить...

Он предпочел промолчать. Тина без аппетита жевала ветчину с хлебом.

– У меня к вам вопрос...

– Какой?

– Мое любопытство может показаться неуместным, но поверьте, что это не совсем так. Где вы были вчера до позднего вечера со своей подругой? Я несколько раз звонил вам...

– Ах, это... За городом. Там связь плохая...

Он постарался сохранить любезное выражение лица.

– У вас в комнате на стене висит лук. Зачем он вам?

– Стрелять, зачем же еще? – она с удивлением подняла на него глаза. – А что?

– Стрелять?

Сиур чуть не поперхнулся. Он ожидал любого ответа, кроме того, что прозвучало. Ему захотелось ущипнуть себя покрепче, может, он просто продолжает спать?

– Ну да, – она перестала жевать. – Я люблю стрелять из лука. А еще больше из арбалета. О, это так... дивно! Когда стрела летит – она поет песню смерти. Или любви. Это куда стрелять... У любви и смерти есть свои цвета и свои песни.

Вероятно, он выглядел глупо, потому что Тина хихикнула.

– Я не знаю, что сказать...

– Представьте себе, вчера мы с Людмилочкой ездили к гадалке!

«Надо мной потешаются», – подумал Сиур, с удивлением отмечая, что он не сердится.

– Seriously?

– Не верите? Зря. Потому что это правда. Ее зовут Виолетта Францевна, и она... ой, мы же обещали, что сегодня снова приедем! Мне надо позвонить, я совсем забыла...

Тина схватила было мобильник, но Сиур крепко взял ее за руку и заставил сесть на место.

– Подождите. Зачем вам сегодня снова ехать? Что за необходимость? У вас уплачено за сеанс с продолжением?

– Отпустите мою руку, – она потеряла место, где остались следы его пальцев. – Мы хотели узнать... Людмилочка сказала, что меня тоже могут убить. Ерунда, конечно, но... Вот мы и поехали.

– Так что гадалка?

– Ничего. Мы ей пытались объяснить, зачем приехали. Она слушала невнимательно... Сидели вроде недолго, а оказалось, что уже стемнело. Дом у нее огромный и пустой. Живет она в нем одна...

– А телефон у нее есть?

– Должен быть... Но я номера не знаю. Она не дала! Правда, мы не просили...

– Жаль. Могли бы позвонить ей. По телефону она не гадает?

Тина не разделяла его сарказма. Она укоризненно посмотрела и покачала головой.

– Виолетта Францевна что-то говорила о предначертанном пути, о том, что ему нужно следовать, – я мало поняла...

– Вы бы лучше ко мне обратились. Этак бы и я вам погадал.

– Она попросила, чтобы мы сегодня опять приехали, и она нам самое главное скажет. А, вот еще что она сказала! «Символы Книги Тота отвечают на все вопросы»... и еще про странника, который плетется по пустыне с мешком. В мешке – знания, которые ему не помогают, ну вот он и... плетется к гибели... Я всю дорогу в электричке думала, что бы это значило.

Сиур ничего не понимал. Полная чепуха!

– Знаете что, Тина? Позвоните-ка на работу и возьмите отгул. Дадут?

– Вряд ли... Лучше я попрошу Людмилочку, чтобы она за меня поработала. Мы часто так делаем.

– Хорошо. Скажите ей, что вы не сможете сегодня поехать к гадалке.

– Мы толком не договорились...

– Вот и ладно. А к Виолетте... Францевне, – так, кажется? – вместо Людмилы поеду я. Согласны?

Сиур подумал, что ведет себя по меньшей мере... додумывать мысль о своем поведении до конца ему не хотелось. Уже по гадалкам начинает ездить. Однако внутренний голос подсказывал ему именно это, а внутреннему голосу он привык доверять.

– Я только съезжу на работу, улажу кое-какие дела, и вернусь за вами. Никому не открывайте. Смотрите в глазок, он именно для этого и предназначен. Никаких почтальонов, газовщиков и сантехников! Вы поняли?

– Да...

– Я быстро. Только туда и обратно.

Тина подошла к окну и стала ждать, когда он выйдет из подъезда. Ей было интересно и приятно смотреть на него. Она почувствовала горячий толчок в груди, когда Сиур легкой походкой вышел из дома и направился к машине...

Глава 12

Человек смахнул паутинку с ресниц, – укрываясь за стволом старого тополя, он смотрел вверх, на те самые окна, которые выходили во двор из квартиры Тины. Увидев выходящего из подъезда мужчину, он отвлекся и проводил его задумчивым взглядом. Проследив, как отъехала машина, он снова перевел взгляд на окна. Человек был собран и спокоен. Темная одежда, холодный и цепкий взгляд его не упускал ни одной детали.

Незнакомец уехал – человек запомнил номера «мазды» и теперь стоял в раздумье. Его заинтересовала машина, но и от дома ему уходить не хотелось. Поколебавшись, он все же остался. Солнце припекало, однако наблюдатель не покинул своего места.

Тина отошла от окна, плотнее задернула занавески. За окном шумели высоченные тополя, небо было яркое, яркое, – но вместо успокоения Тина почувствовала скрытую угрозу, исходящую от этого летнего дня, старых тополей, пестрого ковра света и тени на асфальте...

Сиур ехал привычным маршрутом, снедаемый тревогой. Эта новая тревога была ни на что не похожа. Шагая к машине, он ощутил ледяной холод, прокатившийся по позвоночнику. Ему захотелось обернуться в сторону тополиной аллеи... Разумеется, он сдержался.

Он объяснил себе это состояние как следствие его навязчивых снов и переключился на будущие задачи.

Дмитрий – правая рука Сиура, – обрадовался, увидев в офисе шефа. Они были знакомы много лет. Сначала пересекались их профессиональные интересы, а потом, когда оба стали работать в сфере охраны, они по-настоящему подружились. Уважение и абсолютное доверие друг к другу, понимание с полуслова и глубокая взаимная симпатия связали их накрепко.

– Неважно выглядишь. Не выспался? – широко улыбаясь, Дима отвернулся от экрана компьютера и откинулся на спинку кресла. – Выполняю твоё задание. Чем тебя заинтересовал этот парень? Обычный, ничем не примечательный клерк: не привлекался, не замечен, не состоял, морально устойчив, женат, в порочащих связях не замечен. Заурядный обыватель, служит в коммерческом банке. Воспитывался в детдоме, где-то в глубинке, – женился на москвичке. У нее тут квартира. А сам сирота. Родители погибли. Родственников никого. Ты гово-

рил, он чей-то племянник? Если и так, то внучатый, наверное. Я еще поработаю, может, что и выплывет. Зачем он тебе нужен?

– Ты не поверишь...

– Тебе Вера звонила. Ты что, трубу выключил? По-моему, она рассержена. Голос у нее был оч-чень недовольный.

– Что? – Сиур рассеянно пересматривал бумаги на своем столе.

– Вера, говорю, тебе звонила и сердилась...

– А... понял. Это ее проблемы.

Дима удивленно глянул на шефа, повернулся на своем стуле и продолжил щелкать клавишами, глядя на экран компьютера.

Сиур отодвинул бумаги. Казалось, за ним кто-то наблюдает. Паранойя! Он посмотрел в окно – привычная картина: ворота, вымощенные плиткой дорожки, подстриженная трава, декоративные деревца. Никого...

Он потер рукой лоб. Только сейчас до него по-настоящему дошел смысл сказанного товарищем: звонила Вера и она обижена. Оказывается, его это совершенно не трогает. Ну вообще никак.

Он обещал Тине быстро вернуться, а нужно было еще подъехать к дому убитого старика, поговорить с подростками или еще с кем-нибудь, если повезет. В таких делах не знаешь, где найдешь.

– Димон, мне надо съездить в одно место... а потом еще в одно место, – засмеялся Сиур. – Будут меня спрашивать, скажи, по делам службы. Если не успею вернуться, увидимся завтра.

– Поехать с тобой?

Дмитрий слишком хорошо знал друга, чтобы заметить напряженные нотки в его голосе.

– Да нет, я должен сделать это сам.

– Ладно, поезжай. Я тут сам справлюсь. Можешь быть спокоен.

Сиур выехал из ворот и сразу повернул на проспект. Как назло, попал в пробку. Стоя в длинной веренице машин, думал о Тине. Его жизнь отныне заполнена не только ее присутствием, но и ее отсутствием. Он закинул руки за голову и потянулся. Кажется, машины впереди тронулись.

Запищал телефон – наверное, это Вера. Он не стал отвечать. Вера – красивая женщина. Очень красивая. Разве не было у них сладких, умопомрачительных ночей? Разве их не тянуло друг к другу? Чего-то, наверное, не хватало для того, чтобы чувственность переросла в любовь. Дрожь плоти и замирание сердца – разные вещи...

Водитель стоявшей перед ним «хонды» высунулся в окно и, заглядывая вперед, громко выругался. Сзади отчаянно сигналили автомобили. Поток машин тронулся. Сиур поспешно нажал на газ...

Вот и знакомый двор. Скамейки в тени деревьев, пустая песочница. Он огляделся – подростков нигде не видно. Может, бутылку распивают в кустах? На наркоманов они не похожи. Просто разгильдяи – сам был таким в их возрасте.

Сиур оставил машину в облюбованном им тупичке и направился во двор. Прислонившись к стволу липы, достал сигареты и закурил.

– Витька-а! – раздалось из окна на первом этаже. – Витька-а! Иди сюда!

– Ну, чего тебе?

Из кустов высунулся долговязый парень в шортах и черной футболке. Голова его по-модному была повязана пестрым платком.

– Иди скорее! Глянь, что с проклятым телевизором! Опять какие-то полосы идут, а сейчас мой сериал начнется...

– Я сейчас, пацаны. Пойду настрою бабке телевизор, а то будет блажить. Совсем свихнулась со своим «мылом» – если не посмотрит, как с цепи срывается!

Он зашагал к подъезду, бормоча ругательства. Крикнул в сторону окна:

– Иду, иду, не ори!

Парень был тот самый, которого Сиур видел во время приезда криминалистов.

«Пацаны» тоже вылезли из кустов. Вяло переговариваясь, переминаясь с ноги на ногу, они поглядывали в сторону подъезда. Их разморило от жары, хотелось курить, а денег на сигареты не было. Вычислить все это не составляло труда, и Сиур нашупал в кармане пачку «Мальборо», радуясь, что она почти полная.

– Привет, Витек! – он протянул вышедшему из подъезда парню руку.

Тот нерешительно пожал ее, вспоминая, откуда его знает этот, судя по всему, крутой мужик. Такого знакомого иметь было лестно. Витек метнул взгляд в сторону приятелей, которые глазели на происходящее.

– Угощайтесь, мужики!

Сиур протянул ребятам сигареты, отметил, какими взглядами они обменялись, увидев его часы, зажигалку. Он понял, что может спрашивать их о чем угодно. Витек не стал выяснять, откуда они знакомы, посчитав, что для его авторитета такое знакомство только на руку. Пацаны с восхищением рассматривали мускулатуру нового знакомого и наслаждались курением.

– Скучаете?

– Да...

Друзья Витька имели все признаки отсутствия интеллекта, и поддерживать разговор было для них делом непосильным. Им хотелось еще курить, но Сиур решил предложить им еще сигарет только после ответов на интересующие его вопросы.

– Это в вашем доме старичка убили?

– Убили? – Подростки с недоумением переглянулись.

– Ну вот, Толян, я же говорил, типа замочили деда, а вы смеялись! – Витек ткнул пальцем в грудь тощего рыжего паренька. – Особенно ты. Я говорил, странно все, блин! Мужик тот черный... и подвал. А потом деда... – он выразительно чиркнул ребром ладони по горлу. – А вы смеялись.

– Что же ты ментам про это не рассказал? – третий парень, в спортивных штанах, загоготал, трясая нематыми патлами. – Они бы тебе премию дали!

– Постой, Витек, что ты сказал? Что за мужик? – Сиур протянул долговязому сигареты. Тот взял три – одну себе и две приятелям. Новый друг над ним не смеялся, а, напротив, проявлял интерес.

– Ну странный типа мужик – весь в черном, фейс никакой – глаза пустые. Как будто он уже «отъехал». Ну да. Я шел, смотрю – стоит. Кто такой, думаю? А когда спиной к нему повернулся, меня даже пот прошиб. Не знаю почему. Как в детстве, когда страшилки рассказывали, и такая типа жуть возьмет, что от собственной тени шарахаешься. Я потом еще пару раз его видел. Старикан редко выходил... за хлебом или еще за чем, – а этот мужик как будто поджидал его. Дед подслеповатый, у него еще очки такие прикольные, – умора! Вот он этого странного мужика типа не заметил, а только, когда шел, все время оглядывался. Нервно так...

Сиур одобрительно похлопал парня по плечу.

– А ты наблюдательный.

– Ну да. Бабка говорит, у меня глаз – алмаз. Я сразу мужика этого приметил. Один раз дождь лил как из ведра, а он стоял и смотрел из-за ствола липы. Хоть бы типа воротник поднял... Тут как раз бабкин сериал начинался, вот, а я все стоял за портьерой и глядел на него. Он как просек, блин... глянул прямо мне в глаза, аж мороз по коже! Не в глаза, конечно, он меня видеть типа не мог. Все равно страшно стало!

– И долго он так стоял?

– Ну... – Витек пожал плечами. – Стоял, стоял, а потом типа в подъезд вошел. Меня тут такое любопытство разобрало, я к двери подкрался и стал в глазок смотреть. У нас лампочка

слабо горит, блин, ничего не разглядишь. Тень промелькнула, и все... Я ждал, когда он обратно на улицу выйдет. А он не вышел! Испарился...

Прятели Витька больше не смеялись, а слушали, открыв рты.

– Так куда он делся? Правда, что ли, исчез? – рыжий паренек оглянулся в сторону парадного.

– Не знаю... У нас справа, под лестницей, что-то типа кладовки. А в кладовке дверь в подвал. Маленькая такая, низенькая и полукруглая. Я ее, честно, раньше даже не замечал. Может, он в подвал зашел?

– Клевый подвал, – подросток в спортивных штанах выбросил окурок и сплюнул. – Я, когда маленький был, хотел с пацанами туда залезть, так меня отец выпорол. Сказал, что в этот подвал можно зайти и не выйти. А почему, не объяснил.

– Ну! Я потом бабку спросил про подвал. Она здесь давно живет. Я раньше жил с родителями в Маленковке, а потом, когда они меня типа доставать стали, переехал к бабке. И ей хорошо, и мне. Так бабка мне сказала, что дворник однажды зачем-то в подвал спустился, да так и не вышел оттуда. Его потом вроде искали. Решили, что он спьяну заблудился. Не нашли! Говорят, там раньше погреба какие-то были. С тех пор дверь в подвал забили. Просто так не откроешь. И слава худая пошла... В соседнем доме похожий подвал есть, так там бомжи живут. А в нашем даже бомжи никогда не ночуют! Если типа бомжи не ночуют, что-то нечисто, точно...

Витек прочистил внезапно охрипшее горло и добавил:

– Раз я ночью слышал, как коты дерутся, и выглянул, думал, там типа наш Пушок. Смотрю наверх – кто-то стоит у двери старикана и ухо приложил – будто подслушивает. А чего ночью подслушивать? Спят ведь все.

Сиур протянул Витьку пачку с оставшимися сигаретами.

– Угости друзей. А мне пора. Пока, ребята, увидимся.

– Ага...

Парень озадаченно почесал затылок. Переглянулся с приятелями. Долго думать они не умели. А думать о чем-то непонятном – тем более. Поэтому компания отправилась обратно в кусты, на ходу прикуривая. Рыжий Толян спросил, лениво потягиваясь:

– Что за мужик, Витька, мент, что ли? Чего это он все расспрашивал?

– Не-е... не похож на мента. Я его и знаю типа всего ничего. Так, сигаретами угощает иногда...

Почти сразу о разговоре забыли. Перешли на привычную тему – сколько не хватает на бутылку и где взять...

Сиур тем временем ехал к Тине. Он взял одной рукой телефон и позвонил, – несколько длинных гудков, пока она не взяла трубку, показались ему вечностью...

Глава 13

Поиски счастья – погоня за вечно бегущей тенью. Воспоминания... ожидания... Сам же момент счастья неуловим. У Тины было свое понятие о счастье.

Она вздохнула и посмотрела на портрет Евлалии. Скандально знаменитая примадонна купалась в обожании зрителей, ловила тысячи прикованных к себе восхищенных взглядов... Была ли счастлива эта женщина – несомненно, талантливая, одаренная дивным голосом, красотой, вдохновением?..

Зазвонил телефон.

– Я уже подъезжаю... – сказал Сиур.

– Да, я готова! – Она глупо улыбалась, глядя на себя в зеркало. Это было счастье. Просто слышать его голос по телефону.

– Не открывайте, пока не посмотрите в глазок.

– Конечно...

Она положила трубку и снова посмотрела на себя в зеркало. В светлой футболке и темных брюках из хлопка, с небрежно собранными на затылке волосами, сверкающими глазами, она показалась себе необыкновенно красивой. Что-то новое появилось во всей ее стройной фигуре, выражении лица, во всем ее облике.

Тина подкрасила губы розовой французской помадой, которую Людмилочка подарила ей на день рождения и которой она ни разу еще не пользовалась.

– Кажется, я «чищу перышки»!

Так они с подругой называли те редкие моменты, когда им хотелось нравиться.

Звонок в дверь заставил ее поспешно схватить сумку и на цыпочках подойти к глазку. Это Сиур! Она открыла и... попала прямо в крепкие мужские объятия.

– Вы что?!

Он тут же разжал руки и примирительно поднял их вверх, насмешливо глядя на нее. Простая одежда, под футболкой, похоже, ничего больше нет... плетеные туфли надеты на босу

ногу... Ему показалось, где-то он уже видел плетеные туфельки, узкие ступни с крашеными ногтями, когда-то уже любил их, был готов идти по следам этих легких ног, не рассуждая, не раздумывая...

– Что вы уставились?

«Можно подумать, я женских ног не видел! – укорил себя Сиур. – И что в них такого? Ноги самые обыкновенные...»

Жаркая волна поднялась к горлу, затем опустилась вниз. Он машинально нащупал сигареты в кармане джинсов, опомнился, убрал руку, поморщившись от досады на себя.

Они молча вышли из квартиры. Сиур взял ее сумку. Так же молча подошли к машине, он открыл ей дверцу, бросил сумку на заднее сиденье и сел за руль.

– Когда мы вернемся?

– Думаю, к вечеру, если все будет хорошо.

– Что вы имеете в виду?

– Непредвиденные обстоятельства. – Сиур оглядывался, выезжая на шоссе. Он уже пожалел, что у него вырвалась эта фраза. – Мало ли...

Тина бросила на него тревожный взгляд.

– Вы обещали что-то узнать. Узнали?

– Вся информация о вашем Альберте Михайловиче... просачивается сквозь пальцы, как вода. Не ухватишься! Единственная зацепка – это племянник. Он действительно существует. Будем надеяться, что хоть с этим персонажем все в порядке.

То, что говорил Сиур, вызывало тревогу, но ей было так хорошо ехать с ним в машине, смотреть на бегущую под колеса ленту асфальта, мелькающие по бокам дачные домики, зеленые деревья. Хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончилась.

– Кстати, у антиквара была сестра?

– Он мне ничего не говорил о сестре...

– Откуда тогда племянник? Да еще с другой фамилией? И почему он воспитывался в детском доме, имея вполне обеспеченного дядюшку?

Тина только развела руками. Родственные отношения складываются по-разному.

В поселке она показала, по какой дороге они в прошлый раз шли к загадочной вдове.

– Если вы будете ехать помедленнее, я смогу узнать дом. Вчера Людмилочка меня вела... Я не очень хорошо ориентируюсь, могу заблудиться в трех соснах. – Она внимательно смотрела по сторонам. – Вот, кажется, мы проходили мимо этого дома.

Она показала на деревянный домик с резьбой, выкрашенный в голубой цвет. Высокий шпиль на крыше и увитая плющом веранда придавали дому особый колорит праздной дачной жизни, куда едут отдыхать, пить по вечерам чай на воздухе, под деревьями, валяться с книгой в гамаке... Ах, как удивительно хороша все-таки может быть жизнь!

– Куда дальше?

Тина опомнилась – ей уже было пригрезилась гусары, гитары, дачная любовь, антоновские яблоки...

– Вот акация, по-моему... да, вот за этими зарослями акации колодец, потом поворот... Тут уже совсем близко.

– Близко? Тогда, пожалуй, оставим машину здесь...

Сиур увидел большую березу и припарковался в ее тени. Вокруг никого не было – дачники либо на речке, либо в домике. Солнце стояло высоко. Трещали сороки, где-то постукивал дятел, жужжали пчелы... над душистым цветочным ковром порхали бабочки.

Тина с удовольствием подставила лицо солнышку. Под тонкой футболкой обозначились мягкие округлости груди, волосы рассыпались. Она забыла обо всем, присев на корточки к земляничному кустику и по-детски радуясь найденным ягодкам... Сиур вздохнул и, наклонившись, подал ей руку.

– Нам пора идти, – сказал он как можно мягче.

Тина виновато вскочила. Они не спеша пошли по дороге. Теплая пыль поднималась легкими облачками при каждом шаге. Белка, распушив хвост, ловко взбежала по толстому стволу и спряталась в ветвях...

Вдруг в этом зеленом, шуршащем и жужжащем мире разлилась опасность. Запахи стали удушающими, на солнце набежала тень, поднялся ветер. Тина поднесла руку к горлу, оттянула ворот футболки, закрыла глаза.

– Что случилось?

– Мне нехорошо... – она попыталась улыбнуться. – Сейчас пройдет...

Сиур уже пожалел, что взял ее с собой. Впрочем, хорош бы он был, явившись к вдове на дачу с целью поинтересоваться, о чем она гадала вчера двум женщинам, и не расскажет ли она ему об их дальнейшей судьбе...

* * *

Ароматические смолы курятся в алебастровых курильницах. Глаза прорицателя наполнены изнутри холодным туманным блеском. Таким же блеском мерцает полый кристалл горного хрусталя. Квадрат символизирует Вселенную – Космос, полный звезд...

«Я понял, почему удался Ра⁵, которому надоели распри и воинственность людей, охваченных неодолимой, фатальной страстью к разрушению. О, я вижу, я вижу!.. Папирусы и реликвии храма Тота уничтожены или погребены в песках Сирийской пустыни. Усыпальницы ограблены, на месте святилищ – груды камней... великолепные храмы лежат в руинах...

Я вижу, как пала Троя! Закатилась звезда Эллады! Триумф Рима сменился упадком. Орды варваров хлынули, подобно приливу, поглощая великие империи, древнюю культуру... От некогда великих городов остались несколько песчаных холмов...

Нельзя обрести Силу, разрушая и разрушая... Дорога Силы – это дорога Любви...

Только мы, неподвластные реке времени, несущей нас в своем лоне, способны видеть...»

* * *

Виолетта Францевна зажгла огонь в плоской вазе для курений. Разложила карты. Снова как будто ледяная рука сжала сердце. Так было и вчера, когда приходили те женщины. Она сделала глубокий вдох...

«Я могу ответить, но ты не в состоянии понять ответ». Такова надпись на фигурке, которая досталась ей от бабушки. Единственная ценная вещь, не проданная во время войны, чтобы спасти от голодной смерти.

– Я не знаю, что я хочу узнать. Я в поиске... Вся моя жизнь зависит от того, чтобы увидеть нечто опять...

Женщина смотрела на то, как легли карты. Вдруг показалось, что скрипнула дверь...

* * *

Колесо Судьбы вращается в вечности. Слева на нем Бог добра – Германиубис, его собачья голова означает преданность. Справа – Тифон, Бог зла, крылатый змей. Германиубис поднимается с Колесом вверх, а Тифон опускается вниз. Добро всегда движется ввысь, к совершенству. Зло – всегда вниз, к ложным иллюзиям, закату и гибели.

⁵ Ра – в древнеегипетской религии бог Солнца, странствующий в ладье по небосводу.

Тайные знаки на Колесе Судьбы открывают нам, что в нашей жизни существует нечто, чего мы не в состоянии постигнуть... Вечные странники, мы делаем глоток из ручья забвения... Кто мы? Откуда пришли? Куда направляемся?

*Окружающий мир – лишь чашечка лотоса на поверхности воды. Но корни, питающие и дающие жизнь лотосу, – там, в тусклых глубинах... Открывай тайны мира одну за другой, до того сокровенного мгновения, когда **все** становится видимым...*

* * *

Сиур и Тина застыли у калитки в нерешительности. Двери дома были закрыты. Густые заросли сирени и шиповника служили естественной преградой для чужого любопытства.

– Где же хозяйка?

Тина ждала, что Виолетта Францевна выйдет на крыльцо, но та не появлялась.

– Постарайтесь ни до чего не дотрагиваться, – сказал Сиур, натянул перчатки и толкнул калитку.

– Боже мой, зачем это? Вы просто маньяк! Теперь я окончательно убедилась!

Тина с опаской посмотрела на него, потом на дом. Ничего зловещего.

– Идемте! – он взял ее за руку. – Может быть, дама куда-нибудь вышла. За хлебом или к соседке поболтать.

– И оставила калитку открытой?

– Обычная рассеянность...

– Зачем же тогда перчатки?

– На всякий случай. – Они, не сговариваясь, перешли на шепот. Сиур наклонился к самому ее уху. – А вы трусиха.

– Да, ужасная...

В то же время он незаметно отмечал все детали загородного пейзажа.

Это была странная любовная игра... исполненная тревоги, в преддверии чего-то страшного, как подсознательно чувствовали они оба. Все ощущения обострились до невыносимых пределов. Тайна, за которой они пришли сюда, – отступила перед более великой тайной, которая говорила им обоим: «Все минует, все исчезнет, но мы с тобой...»

Сиур вошел во двор, не отпуская руку девушки и увлекая ее за собой. В безмолвии они приблизились к дому. Окна были распахнуты, сквозняк надувал занавески.

Тина спряталась за широкой спиной своего спутника, радуясь, что с ней сейчас не импульсивная Людмилочка, а этот уверенный и осторожный мужчина. Он медленно повернул бронзовую ручку... не удивился, что дверь не заперта. Скорее, он этого ожидал.

В прихожей пахло деревом и курениями. Сиур приложил палец к губам и вопросительно посмотрел на Тину. Та поняла, кивнула на дверь в гостиную – туда, мол, нас приглашала хозяйка в прошлый раз...

Сизоватый дымок курился из чаши, распространяя удушливый аромат. На столике – рассыпанные в беспорядке карты Таро. Красивого ларчика со львами и золотым диском не было. Тина хотела что-то сказать, но Сиур отрицательно покачал головой.

В широком кресле лицом к столу и спиной к ним сидела хозяйка. Из-за спинки кресла была видна ее макушка с аккуратно уложенными волосами.

Сиур на вопросительный взгляд девушки снова отрицательно покачал головой и жестом приказал ей оставаться на месте. Тину объял ужас... хотя ситуация походила на дешевый спектакль, которым пугают чувствительных барышень. Все это дикое, неправдоподобное и страшное творилось не где-нибудь и не с кем-то, а прямо здесь и с ней.

Сиур обошел кресло: Виолетта Францевна в зеленом велюровом платье сидела, откинувшись на спинку, глаза ее с полуопущенными веками тускло смотрели в одну точку. На шее – золотая цепь со странным кулоном. Что-то египетское.

– Глаз Гора...

– Что? – он поднял голову и увидел Тину, глядящую на золотой символ.

Слава богу, она не визжит и не бьется в истерику – хотя тоже поняла, что хозяйка мертва.

– Это такой магический амулет... – она вздрогнула и показала на потолок. – Что это? Вы слышите? Там кто-то есть...

Сиуру тоже послышался тихий скрип. Но в таком доме... Может, кошка бродит. Или дерево рассыхается.

– Я боюсь...

– Тс-ссс... еще секунду!

Он дотронулся до руки хозяйки – теплая. Должно быть, у нее сломаны шейные позвонки, – больше никаких повреждений не заметно. Убийца еще находится поблизости. Возможно, он в доме...

– Уходим. Быстро. Надеюсь, нас никто не видел.

Тина кивнула, судорожно сглотнув, вцепилась в его руку. Он слышал ее учащенное дыхание.

Все происходило как во сне. Сиур вздохнул с облегчением, только когда «мазда» выехала на широкую ленту Ярославки. В небе над кромкой леса плыли мелкие облачка. На пыльных обочинах цвели одуванчики. Эта мирная картина теплого летнего дня никак не вязалась с тем, что они застали в доме Виолетты Францевны.

Тина плакала, громко всхлипывая и размазывая слезы по щекам.

– И ее то-о-же. За что-о? Почему все это происходит?..

Сиур не знал, что ей ответить...

Глава 14

Логика профессионала определяла ситуацию как полный абсурд. Уголовщиной здесь и не пахло. Преступник не позарился на ценности, которых хоть у антиквара, хоть у вдовы было предостаточно. Что же тогда? Сведение счетов? Допустим...

Кто знает, чем занимался в прошлом покойный Альберт Михайлович? Кому досадил, кого обманул? Но гадалка... Кто верит подобным вещам? Непонятно. Что между ними общего?

Он повернулся к Тине: у той глаза опухли от слез, волосы растрепались...

– Вы давно знаете вдову?

– Что?

– Вы вдову давно знаете? Виолетту?

– А! Нет... я ее совсем не знаю. То есть до вчерашнего дня не знала и никогда о ней не слышала. Людмилочка мне предложила поехать к ней погадать.

– Вы серьезно?

Тина задумалась, потирая виски.

– Я сначала не верила... но когда она начала говорить, мне кое-что привиделось... или слышалось. Вы смеяться будете...

– Последнее событие не кажется мне забавным.

– Когда Виолетта Францевна начала бормотать свое... мне показалось, как будто песок шумит...

– Какой песок?

– Я же говорила, смеяться будете...

– Мне не до смеха, поверьте!

– Песок... в пустыне. Ветер дует, а песок шумит. Вдали холмы...

– Вы увидели пустыню? И пальмы?

– Ну да...

Его сердце сжалось. Пески... Пустыня, солнце, ветер... Холмы вдалеке. Это вовсе не казалось ему бредом.

- Она что, оказывала на вас какое-то воздействие? Гипноз, например?
- Вроде нет... Я как будто сама это вспомнила. Потом все померкло. И мы стали собираться домой. Мы были у вдовы совсем недолго, а оказалось, что прошел почти целый день...
- Какие вопросы вы ей собирались задать?
- Кто убил Альберта Михайловича и за что? Потом еще Людмилочка выдумала, что меня тоже могут убить... Глупо, но я испугалась. Неужели Виолетту Францевну из-за нас...
- Вы кому-нибудь говорили, что поедете к ней?
- Нет, – она покачала головой. – Никто не знал. А как ее?..
- Похоже на перелом шейных позвонков.

Сиур не верил в совпадения. Антиквара и вдову убили по одной и той же причине. Тина должна догадываться, в чем тут суть.

- Из-за вашего любопытства погиб человек! – жестко произнес он. – А вы молчите.
- Мне нечего больше сказать... Мы с Альбертом Михайловичем говорили в основном об искусстве, он столько всего знал о древностях... он все понимал... С Виолеттой Францевной я была едва знакома...

Что-то важное постоянно ускользало, рассеивалось среди второстепенных подробностей. Сиур решил не ехать домой. Ни ему, ни Тине сегодня лучше не появляться в городе. Через полчаса «мазда» свернула на боковое шоссе...

Тина никак не отреагировала на изменение маршрута: она задремала. Он сбавил скорость. Пески... пустыня... Почему это его так взволновало?

Грунтовка петляла между сосен. Лес поредел, показались заброшенные поля, участки, огороженные деревянными заборами. Сиур давно усвоил, что необходимо иметь пристанище, о котором не знает никто – ни любовница, ни лучший друг. Место, где можно укрыться от всех...

Солнце садилось. Тучки быстро заволокли небо. Начал накрапывать дождь. Тина уснула: сказались волнения последних часов, а может, дней. Ее дыхание было легким, щеки покраснелись...

Он ехал уже очень медленно. Кое-где на участках зияли провалами окон кирпичные коробки без крыш, окруженные густыми зарослями. Шины зашуршали по гравию. Строительство нескольких коттеджей давно остановилось. Здесь все словно вымерло. Сквозь щебенку и обломки кирпичей проросли деревья, вымахала трава по пояс...

Дома задумывались добротные, проект начинался с размахом, с купеческим шиком, с русской беспашашностью, основанной на «авось да небось». Потом заказчик разорился, не смог платить подрядчикам... и все заглохло. Представшая взору картина являла собой памятник «загадочной русской душе».

Сиур купил и оформил одну из коробок через подставных лиц, так что проследить цепочку было практически невозможно. Все необходимые работы выполнила для него сборная бригада заезжих специалистов. Внешний вид коттеджа ничем не отличался от всех остальных – то же запустение и развал: буйные заросли, скрывающие цокольный этаж, почти сравнявшиеся с землей кучи песка, разбитые прожекторы, дырявые ведра, ржавые бочки и прочий строительный мусор.

Подъехав к покосившемуся забору, Сиур долго сидел в машине и курил, выдыхая дым в прохладную сырость сумерек. На пыльную листву падали редкие дождевые капли. С заболоченной речушки доносилось кваканье лягушек, да покрикивали непуганные ночные птицы...

Сиур достал пульт, нажал и смотрел, как медленно открывается ободранная снаружи гаражная дверь в цокольном этаже, потом осторожно въехал внутрь. Теперь можно разбудить девушку. Он вышел из машины, открыл дверцу с ее стороны...

- Эй, приехали!

В гараже пахло затхлостью, бензином и стружками. Тина спросонья пыталась сообразить, где находится. Темные стены, стеллажи до самого потолка, в углу сложены запасные колеса, ящики с инструментами, канистры.

– Где это мы?

– Сейчас узнаем, – Сиур усмехнулся. – Давно здесь не был.

Он подошел к одному из стеллажей, и тот легко отъехал в сторону. В стене гаража оказалась дверь, которую он открыл ключом со своей связки. За дверью было темно, лестница с деревянными перилами уходила вниз. Когда спуск закончился, зажегся тусклый свет. Просторная комната без окон отделана деревом, широкие лавки вдоль стен, кресла, маленький камин, дрова...

– Это ваше убежище? – угадала Тина.

– В некотором роде... Прежние застройщики провели электричество, и я решил устроить здесь лежбище. Чуть дальше, на берегу речки, – деревня. Один из местных присматривает за этой берлогой... В деревне нет работы, и он счастлив, что получает хоть какие-то деньги. Я велел ему держать язык за зубами.

– Кому он может выдать вашу тайну? Лесным духам и русалкам?

Она села на большой угловой диван, накрытый пледом. Внизу, в выдвинутом ящике, белела стопка постельного белья.

Встроенный в стену шкаф был набит выпивкой и консервами. На полках стояла посуда, салфетки, всякие необходимые мелочи. На деревянном столе стояли свечи в керамических подставках. Сиур достал из кармана зажигалку и зажег свечу.

– Так романтичнее... Люблю живой огонь. А вы?

– Тоже. Всегда мечтала пить коньяк у камина. – Она подошла и заглянула за узорную решетку. – Он настоящий?

– Конечно. Хотите затопим?

– А можно?

– Сегодня все можно... Тем более здесь прохладно.

Он разжег в камине огонь. Сухие поленья занялись быстро.

– Представьте себе: там, за стенами, буря, ветер, холод, – мечтательно произнесла Тина. – А здесь тепло, сухо, пылают очаг... «Ожидай странника в день бури...»

– Что? – ему показалось, он ослышался. – Что вы сказали?

– «Ожидай странника в день бури...» Знаете, со мной такое бывает, – вдруг всплыли эти слова, как будто очень давно я их знала, потом забыла... а теперь вспомнила. – Она засмеялась и протянула руки к огню. – Что с вами?

Сиур побледнел и сжал зубы.

– Почему вы сказали это?

– А что я особенного сказала? Увидела камин, огонь, свечи... захотелось вдруг сказать именно это. Я часто говорю всякие несуразицы! Не обращайтесь внимания...

Ему пришла в голову идиотская мысль, что его намеренно сводят с ума. Все вокруг закружилось, наплыл туман...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.